Энн Райс
МЕМНОХ-ДЬЯВОЛ
Тонкое словесное кружево, наполненное чувственностью и музыкой, воистину чарующая история...
The New York Times Book Review

Вампирские хроники

Энн Райс

Мемнох-дьявол

«Азбука-Аттикус»
1995

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Райс Э.

Мемнох-дьявол / Э. Райс — «Азбука-Аттикус», 1995 — (Вампирские хроники)

ISBN 978-5-389-21560-3

Зимний Нью-Йорк начала 1990-х. Именно сюда приводит вампира Лестата след одного из крупнейших наркодельцов Америки. На одной из тайных квартир, где преступник хранит ценнейшее собрание антикварных религиозных предметов, происходит их роковая встреча. Роковая и для Лестата, и для его жертвы. Ибо за ними незримо наблюдает сам Мемнох-дьявол, выбравший вампира Лестата себе в помощники, чтобы совместно противостоять Богу. Первый роман писательницы «Интервью с вампиром», положивший начало циклу «Вампирских хроник», в который входит и «Мемнох-дьявол», стал настоящим событием в мире литературы. Общий его тираж превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21560-3

© Райс Э., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Чего Бог не желал 6
Жертва 7
Дуэт на Ибервиль-стрит 8
Пролог 9
Глава 1 11
Глава 2 30
Глава 3 45
Глава 4 53
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Энн Райс
Мемнох-дьявол

Anne Rice
MEMNOCH THE DEVIL

Copyright © 1995 by Anne O'Brien Rice and the Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust
© И. И. Шефановская, перевод (гл. 1–12), 2004
© И. В. Иванченко, перевод (гл. 13–26), 2004
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

* * *

Стэну Райсу, Кристоферу Райсу и Мишель Райс, Джону Престону, Говарду и Кэтрин Аллен О'Брайен, брату Кэтрин Джону Аллену, дяде Микки, его сыну Джеку Аллену и всем его потомкам, а также дяде Мариану Лесли, который той ночью был в баре «Корона», и всем моим родным и близким посвящаю эту книгу

Чего Бог не желал

Спи всласть,
Плачь, если плачется,
Но, главное,
Ходи почаще на колодец
И больше пей
Сверкающей,
Трепещущей воды.
Задумывая нас,
Бог не желал,
Чтобы мы слишком
Мудрствовали.
Ну, что же.
Скажи Ему,
Что ведра наши полны,
И пусть Он
Катится
Ко всем чертям.

Стэн Райс
24 июня 1993

Жертва

Тому, что не дает пустоте
Сломить человека,
Растерзать его,
Как дикий вепрь
Ломает кости и терзает
Человеческую плоть;
Да, только этой силе
Готов я в жертву принести
Даже страданья моего отца.

Стэн Райс
16 октября 1993

Дуэт на Ибервиль-стрит

Человек в черной кожаной куртке
Покупает крысу, чтобы скормить
Ее своему питону. Для него
Детали не важны.
Сойдет любая крыса.
Удаляясь от зоомагазина,
Я вижу человека в гараже отеля.
Цепной пилой он вырезает
Лебедя из глыбы льда.

Стэн Райс
30 января 1994

Пролог

Лестат приветствует вас. Если вы меня знаете, можете пропустить следующие несколько фраз. А тем, с кем мне еще не доводилось встречаться, предлагаю любовь с первого взгляда.

Смотрите и восхищайтесь! Вот он, ваш герой, перед вами: великолепная имитация мужчины шести футов ростом, светловолосого, голубоглазого, истинного англосакса. Я вампир, причем один из самых могущественных в мире. Клыки мои слишком малы, чтобы бросаться в глаза – если, конечно, я сам того не пожелаю, – однако очень остры, и не проходит нескольких часов, чтобы во мне не взыграла жажда крови.

Это вовсе не значит, что я действительно в ней так часто нуждаюсь. Откровенно говоря, я и сам не знаю, как долго могу обходиться без свежих вливаний, ибо ни разу не проверял.

А вот сила и способности мои поистине безграничны. Я могу летать, могу слышать разговоры людей, находящихся в противоположном конце города и даже по другую сторону планеты, могу очаровать и полностью подчинить своей воле любого.

Я бессмертен и практически не меняюсь с 1789 года.

Вы спросите, один ли я такой на земле. Нет, конечно. Мне известно о существовании по меньшей мере еще двух десятков вампиров. С половиной из них я знаком достаточно близко и половину из этих близких знакомых искренне люблю.

Прибавьте к этим двадцати еще две сотни бродяг и скитальцев, о которых я ровным счетом ничего не знаю, но слухи о которых время от времени достигают моих ушей, да еще добрую тысячу бессмертных, предпочитающих вести замкнутый образ жизни и скрывающихся под личиной обычных людей.

Практически любой человек, будь то мужчина, женщина или ребенок, может быть обращен в нам подобного. Вампиру достаточно лишь этого пожелать и выпить из смертного почти всю кровь, чтобы затем вернуть ее обратно, но уже смешанной со своею. Процесс в целом, безусловно, не так прост, но тот, кто благополучно выживает, становится бессмертным. Молодые вампиры испытывают неутолимую жажду крови и вынуждены убивать практически каждую ночь. С течением времени они становятся спокойнее и обретают мудрость, даже если в момент превращения были совсем еще детьми; необходимость в убийствах у них отпадает, и тысячелетние бессмертные пьют кровь не по той причине, что остро в ней нуждаются, а лишь потому, что не в силах устоять перед соблазном.

Что ожидает тех, кому судьбой уготовано прожить еще дольше – а есть среди нас и такие, – сказать трудно. Возможно, они превратятся в истинных чудовищ: тела их затвердеют, а кожа станет еще белее. Им доведется познать столько мучений, что периоды доброты и жестокости, удивительной проницательности и маниакального безрассудства будут часто сменять друг друга. Вполне вероятно, что кто-то из них лишится разума, но вскоре обретет его вновь. А кому-то, быть может, суждено даже забыть собственное имя.

Я воплощаю собой наилучшее сочетание молодости и зрелости. Обстоятельства сложились так, что мне, вампиру всего лишь двухсотлетнего возраста, было даровано могущество древних. Я обладаю безупречным вкусом истинного аристократа и в то же время умею тонко чувствовать и воспринимать все новое и современное. Я отлично сознаю, кто я и что я. Я богат. Я красив. Я способен видеть собственное отражение в зеркалах и витринах магазинов. Я люблю петь и танцевать.

Чем я занимаюсь? Всем, что доставляет мне удовольствие.

Ну как? Всего вышеизложенного достаточно, чтобы вам захотелось прочесть мою историю? А может быть, вы читали и то, что было написано мною о вампирах прежде?

Но в том-то и подвох, что в данном случае моя вампирская сущность не играет никакой роли. Суть вовсе не в ней. Вампирская ипостась такая же данность, как моя невинная улыбка,

приятный вкрадчивый голос, французский акцент и грациозная, немного с ленцой походка. Как говорится, все в одной упаковке. Суть в другом: то, что *произошло*, могло произойти с любым человеком. Более того, я уверен, что кому-то из смертных уже пришлось пережить нечто подобное, а кому-то предстоит пережить это в будущем.

У всех у нас есть душа. Мы стремимся постичь сущность вещей, мы живем на одной земле, исполненной богатства, природного очарования и опасностей. Никто из нас – подчеркиваю: никто! – на самом деле не знает, что значит умереть, как бы мы ни пытались доказать обратное. В противном случае я бы сейчас не писал эти строки, а вы не имели бы возможности прочесть мою книгу.

И еще один очень важный момент: я поставил перед собой задачу быть и всегда оставаться поистине выдающейся личностью, духовно богатой, нравственно твердой и эстетически значимой, – существом, обладающим поразительной мудростью, проницательностью, которому есть что сказать людям.

Итак, если вы все же решите прочесть мою книгу, примите во внимание и такой аргумент. Лестат вновь заговорил, он испуган, он отчаянно нуждается в наставлениях и похвалах, он ищет смысл жизни, он жаждет постичь и сделать доступной вашему пониманию суть собственного повествования. И та история, которую он намерен вам изложить, – лучшая из всех, когда-либо им рассказанных.

Если вам недостаточно и этого, прочтите что-нибудь другое.

А если я сумел вас заинтересовать, продолжим. Закованный в цепи, я диктовал эти строки своему другу и секретарю. Выслушайте меня. Последуйте за мной и не оставляйте меня одного.

Глава 1

Я увидел его, едва он вошел в дверь. Высокий, плотного телосложения, по-прежнему сохранивший смугловатый оттенок кожи, который она имела, когда я сделал его вампиром. В целом он ничем не отличался от обыкновенного смертного, разве что только двигался слишком быстро. Мой возлюбленный Дэвид.

В тот момент я находился на лестнице – шикарной, надо признаться, ибо встреча наша произошла в одном из тех роскошных старых отелей, в чрезмерно богатой отделке которых преобладает темно-красный с золотом цвет и жить в которых весьма приятно. Отель выбрал не я, а моя жертва. Она, точнее, он обедал со своей дочерью. Проникнув в его мысли, я узнал, что, приезжая в Нью-Йорк, он всегда видится с ней именно здесь по одной простой причине: отель расположен как раз напротив собора Святого Патрика.

Дэвид сразу обратил внимание на молодого блондина с длинными, раз и навсегда красиво подстриженными и расчесанными волосами, с отливающими бронзой руками и лицом, одетого в темно-синий двубортный костюм от «Братьев Брукс» и скрывающего глаза за неизменными темно-фиолетовыми стеклами очков.

Дэвид не смог скрыть улыбку. Ему было хорошо известно мое тщеславие, равно как и то, что в начале девяностых годов двадцатого века итальянские модельеры заполонили рынок таким количеством бесформенной, мешковатой, нескладной одежды, что любому, кто хотел выглядеть действительно привлекательно и эротично, не оставалось ничего иного, кроме как нарядиться в великолепно сшитый темно-синий костюм от «Бруксов».

Кроме того, кому, как не мне, знать, что густые, ниспадающие волнами волосы в сочетании с тщательно подобранной одеждой всегда представляют собой весьма эффективное и сильнодействующее средство.

Однако я не намерен зацикливаться на тряпках. Они того не стоят. Просто я был очень горд собственной внешностью и умением совмещать в себе, казалось бы, совершенно несовместимое: длинные локоны, безупречный покрой костюма и царственную манеру стоять, облокотившись на перила.

Дэвид сразу же бросился ко мне. От него пахло зимой. На улице действительно было холодно, прохожие скользили по покрытым льдом тротуарам, а в сточных канавах снег превращался в мерзкую грязь. Лицо Дэвида чуть светилось, однако этот необыкновенный блеск мог заметить и достойно оценить только я. Меня он приводил в восхищение.

Мы поцеловались и вместе поднялись в устланный коврами бельэтаж.

Ужасно, что Дэвид на целых два дюйма выше меня, однако я его очень любил и искренне радовался возможности побыть с ним рядом. К тому же в этом просторном, теплом, погруженном в полумрак помещении мы были совершенно избавлены от чужих любопытных взглядов.

– Ты пришел! – воскликнул я. – Откровенно говоря, я не слишком на это надеялся.

– Еще бы, – проворчал Дэвид.

Его мягкий британский акцент в сочетании с юным лицом по-прежнему производил на меня неизгладимое впечатление. Этого пожилого человека, получившего молодое тело, я недавно сделал вампиром, причем одним из наиболее могущественных.

– А чего ты ожидал? – спросил он. – Арман сказал, что ты зовешь меня. И Маарет.

– Понятно. Ты ответил на мой первый вопрос.

Мне хотелось расцеловать его, и я неожиданно даже для самого себя протянул к нему руки, но так, чтобы в случае необходимости он имел возможность уклониться от моих объятий. Когда же он этого не сделал, а, напротив, тепло обнял меня в ответ, я почувствовал такую радость, какой не испытывал вот уже много месяцев.

Точнее говоря, целый год – с того момента, когда мы втроем – Дэвид, я и Луи – оказались где-то в непроходимых джунглях и приняли решение расстаться.

– Твой первый вопрос? – Дэвид смотрел на меня пристально, изучающе, пытаясь понять, что у меня на душе. А это было нелегко, ибо вампир и его создатель лишены возможности читать мысли друг друга.

Мы долго стояли так – два существа, богато одаренные сверхъестественными способностями. Нас переполняли чувства, однако выразить их и общаться между собой мы могли лишь одним, но, быть может, самым наилучшим на свете способом: словами.

– Да, потому что первое, что я хотел у тебя спросить, виделся ли ты с остальными и не пытались ли они причинить тебе вред. Ты же знаешь… Все эти разговоры по поводу того, что, обратив тебя, я нарушил установленные правила. Ну и прочий вздор.

– Прочий вздор, – насмешливо передразнил он мой французский акцент, теперь еще смешавшийся и с американским. – О каком вздоре…

– Ладно, – прервал я его. – Давай пойдем в бар и поговорим там. Главное я выяснил: никто не сделал тебе ничего плохого. Откровенно говоря, я был уверен, что они не смогут и не осмелятся и что опасность тебе на самом деле не грозит. В противном случае я никогда не позволил бы тебе в одиночку странствовать по миру.

– А разве ты не твердил мне об этом каждые пять минут, перед тем как расстаться?

Мы отыскали свободный столик возле стены. Народа в баре было не много – как раз то, что нам и требовалось. Интересно, как мы выглядели со стороны? Наверное, как двое молодых людей в поисках партнеров или партнерш для любовных приключений.

– Никто не причинил мне вреда, – сказал Дэвид. – По-моему, ни у кого и в мыслях не было ничего подобного.

Кто-то играл на пианино – мелодия звучала, на мой взгляд, слишком тихо и нежно для такого заведения. Это было одно из произведений Эрика Сати. Как мило.

– Какой галстук! – воскликнул Дэвид и, сверкнув ослепительной белозубой улыбкой, наклонился ко мне через стол. Клыков его, конечно, видно не было. – Эта масса шелка на твоей шее явно не от «Братьев Брукс». – Он тихо рассмеялся, словно поддразнивая меня. – А твои ботинки! Что творится у тебя в голове? И вообще, что происходит?

Над нашим столиком нависла огромная тень. Подошедший бармен произнес несколько дежурных фраз, которые из-за волнения и царящего вокруг шума я даже не расслышал.

– Что-нибудь горячее, – ответил ему Дэвид, ничуть не удивив меня таким заказом. – Пунш или что-то в этом роде – на ваш выбор.

Я кивнул и жестом показал равнодушно взиравшему на нас парню, чтобы тот и мне принес то же самое.

Вампиры всегда заказывают горячие напитки, поскольку не пьют, но с удовольствием ощущают их тепло и вдыхают исходящий от них аромат.

Дэвид вновь перевел взгляд на меня. Точнее, не Дэвид, а некий человек, чей облик был мне хорошо знаком и в чьем теле с некоторых пор заключен Дэвид. Ибо сам Дэвид навсегда останется для меня пожилым джентльменом, которого я знал и высоко ценил, равно как теперь начинаю ценить и похищенное нами великолепное плотское вместилище его души, ибо оно постепенно меняется и я все чаще вижу мимику, жесты и манеру поведения, свойственные именно Дэвиду.

Не пугайся, дорогой мой читатель. Обмен телами произошел еще до того, как я сделал Дэвида вампиром, и к моему рассказу этот факт не имеет никакого отношения.

– Тебя опять что-то преследует? – спросил Дэвид. – Так мне сказал Арман. И Джесс.

– Где ты их видел?

– Армана? Встретил случайно. В Париже. Он шел по улице. Он был первым, кого я встретил.

– И он даже не попытался сделать тебе какую-нибудь гадость?

– С чего бы вдруг? Зачем ты звал меня? За тобой кто-то следит? Что, собственно, случилось?

– Ты был с Маарет?

Дэвид покачал головой и откинулся на спинку стула.

– Знаешь, Лестат, я изучал рукописи, которые вот уже много веков в глаза не видел ни один человек. Мне посчастливилось прикоснуться к глиняным табличкам, которые…

– Дэвид, мой ученый Дэвид! – перебил его я. – Воспитанник Таламаски, получивший образование, позволяющее стать совершенным вампиром, хотя никто в ордене и помыслить не мог, что тебе уготована такая судьба.

– Да пойми же! Маарет отвезла меня туда, где хранятся ее сокровища. Ты должен понимать, каково это – держать в руках табличку, испещренную знаками и символами, которыми пользовались еще до изобретения клинописи. А сама Маарет! Ведь я мог прожить невесть сколько столетий и не встретить ее!

На самом деле Маарет была единственной, кого ему стоило опасаться. Полагаю, мы оба это знали. В моих воспоминаниях о ней, однако, не осталось и тени ощущения исходящей от нее угрозы – только тайна, загадочность существа, сумевшего пережить тысячелетия, существа столь древнего, что каждый его жест кажется движением ожившего мрамора, а его голосом с нами словно говорит все человечество.

– Если Маарет даровала тебе свое благословение, ничто другое уже не имеет значения, – со вздохом ответил я, думая о том, удастся ли мне самому еще хоть однажды увидеться с ней. Откровенно говоря, надежда на это была очень слабой, да я и не жаждал встречи.

– Я виделся и со своей любимицей, с Джесс, – сообщил Дэвид.

– А-а-а… Впрочем, этого и следовало ожидать.

– Я искал ее повсюду, путешествовал по миру и безмолвно призывал свою любимую Джесс – точно так же, как звал меня ты.

Ах, Джесс! Белокожая, рыжеволосая, хрупкая, словно птичка. Дитя двадцатого столетия. Прекрасно образованная и богато одаренная экстрасенсорными способностями в своей смертной ипостаси, она еще тогда познакомилась с Дэвидом и стала его ученицей в Таламаске. Теперь она тоже принадлежит к сонму бессмертных, и они с Дэвидом сравнялись в красоте и вампирском могуществе. Или почти сравнялись – мне трудно пока об этом судить.

Джесс была обращена в вампира именно Маарет, которая принадлежала к Первому Поколению, а родилась еще до того, как человечество начало писать собственную историю, в те времена, когда люди вообще едва ли понимали, что означает само это слово. Маарет и ее немая сестра Мекаре, о которой давно уже практически никто не вспоминает, теперь Старейшие, если существует в нашем сообществе такой титул, – иными словами, Царицы Проклятых.

Никогда прежде мне не доводилось встречать вампира, непосредственно созданного столь древним существом, как Маарет. Когда мы в последний раз виделись с Джесс, она буквально излучала неимоверную силу. Думаю, сейчас она уже могла бы писать свою собственную историю и рассказать много интересного о своей жизни и приключениях.

Дэвид получил от меня достаточно старую кровь, смешанную с еще более древней, чем кровь Маарет. Да, я имею в виду кровь Акаши и, конечно же, Мариуса. Именно благодаря им я обрел свое нынешнее могущество, а оно, как всем известно, поистине неизмеримо.

Вот почему он и Джесс могли бы составить великолепную пару. Интересно, как она воспринимает своего бывшего пожилого наставника в его новом облике молодого и привлекательного мужчины?

Внезапно я почувствовал укол зависти, а следом за ним меня охватило отчаяние. Ведь я заставил Дэвида покинуть святилище, в котором эти стройные белокожие существа спрятали свои сокровища, дабы уберечь их от превратностей кризисов и войн и сохранить для будущих

поколений. Свое тайное убежище они устроили где-то очень далеко, за океаном, в дебрях неведомых мне земель. В голове моей крутились какие-то экзотические имена и названия, но я не имел никакого представления о том, куда на самом деле отправились рыжеволосые красавицы. Однако Дэвида они допустили к своему очагу.

Тихий звук заставил меня вздрогнуть и оглянуться. Смущенный и обескураженный собственной нервозностью, я постарался как можно быстрее успокоиться и ненадолго сосредоточил внимание на своей жертве.

Этот человек по-прежнему находился неподалеку от нас – он сидел в ресторане вместе со своей симпатичной дочерью. Сомнений в том, что этим вечером я его наконец достану, у меня почти не было.

Все, хватит с ним нянчиться. Я гоняюсь за этим типом вот уже несколько месяцев. Личность достаточно интересная, однако он не имеет ни малейшего отношения к тому, что происходит со мной. Или все же имеет? Я мог бы убить его этим же вечером, но сомневался, стоит ли так поступать. Он был с дочерью, в которой, судя по моим наблюдениям, души не чаял, а потому я решил подождать до ее отъезда. Нехорошо причинять лишние муки столь юному созданию. А он действительно любил ее и как раз в этот момент умолял принять от него какой-то подарок, объясняя, что отыскал вещицу совсем недавно и находит ее просто чудесной. О чем именно идет речь, я понять не мог, ибо ни в ее, ни в его мыслях прочесть ничего не удавалось.

Толстый, прожорливый, временами способный проявить доброту и всегда забавный, этот человек представлял собой идеальную жертву и стоил того, чтобы за ним погоняться.

Но вернусь к Дэвиду. Итак, сидевший напротив меня рослый, привлекательный бессмертный любил Джесс и стал учеником Маарет. Но почему сам я с некоторых пор не испытываю ровным счетом никакого почтения к старейшим из нас? Ради всего святого, чего я хочу, чего добиваюсь? Нет, вопрос поставлен неверно. Вопрос в том… чего хотят сейчас от меня… Неужели я пытаюсь убежать от чего-то?

Дэвид тактично ждал, пока я вновь обращу на него внимание. Я повернулся в его сторону, но продолжал молчать. Я не проронил ни слова. Тогда Дэвид поступил так, как обычно и поступают воспитанные люди: словно не замечая, что я смотрю на него сквозь фиолетовые стекла очков с таким видом, будто скрываю какую-то страшную тайну, он неторопливо продолжил прежний разговор.

– Ни у кого и в мыслях не было причинить мне хотя бы малейший вред, – еще раз подчеркнул он. – Все были очень добры, относились ко мне с уважением и ни разу не поинтересовались, почему ты нарушил запрет и сделал меня вампиром. Однако им хотелось услышать из первых уст рассказ о том, как тебе удалось справиться с Похитителем Тел и выжить. Мне кажется, ты даже не представляешь, до какой степени они были встревожены и как сильно любят тебя.

Дэвид мягко намекал на обстоятельства, при которых мы встретились с ним в последний раз, и на события, заставившие меня превратить его в одного из нам подобных. В то время, однако, я не дождался от него ни благодарности, ни похвалы.

– Любят? Да неужели? – отозвался я. – Я хорошо помню только одно: никто из них, оставшихся в живых представителей нашего великого племени выходцев с того света, не удосужился протянуть мне тогда руку помощи.

Мне вспомнился поверженный Похититель Тел.

Если бы не Дэвид, я вполне мог бы проиграть ту страшную битву. Ужасно было даже подумать о возможности такого финала. И потому мне не хотелось даже вспоминать о славной армии своих великолепных и могущественных соплеменников, которые издалека наблюдали за ходом событий, но палец о палец не ударили, чтобы меня поддержать.

В конце концов Похититель Тел отправился в преисподнюю, а тело, за обладание которым мы бились, теперь сидело передо мной, и внутри его был Дэвид.

– Что ж, прекрасно, – сказал я. – Рад слышать, что заставил их хоть немного поволноваться. Но дело в том, что меня вновь преследуют. И на этот раз речь идет не о происках смертного, раскрывшего секрет астрального перемещения и умеющего проникать в чужие тела. За мной *наблюдают*.

Он пристально посмотрел на меня. В его взгляде не было недоверия – скорее в нем читалось искреннее желание постичь смысл сказанного.

– Наблюдают? – задумчиво переспросил он.

– Вот именно, – кивнул я. – Дэвид, я напуган. Я действительно боюсь. Если я поделюсь с тобой своими предположениями и скажу, кем, по моему мнению, является этот наблюдатель, ты поднимешь меня на смех.

– Неужели?

Официант поставил перед нами горячую выпивку, от которой исходил восхитительный аромат. Звуки пианино были едва слышны – опять что-то из Сати. Действительность все же достаточно прекрасна, чтобы даже такому сукину сыну и чудовищу, как я, хотелось продлить свое существование.

Мне вдруг припомнилась одна деталь. Два дня назад я слышал, как этот человек сказал дочери: «Я готов душу продать за такие уголки, как этот». В тот момент я находился далеко от них и, будучи простым смертным, не смог бы услышать ни слова. Однако до меня отчетливо доносился каждый звук, слетавший с губ моей жертвы. А его дочерью я был просто очарован. Дора – так ее звали. Дора… Она была, пожалуй, единственным существом на свете, кого действительно любил этот расплывающийся толстяк.

– Я думал о своей жертве – о человеке, из-за которого, собственно, здесь и оказался, – объяснил я, поймав на себе пристальный взгляд Дэвида. – И о его дочери. Они не намерены сегодня куда-либо выходить. Много снега, и ветер слишком холодный. Сейчас он отведет ее наверх, в номер. Она встанет у окна и оттуда будет любоваться башнями собора Святого Патрика. А я не хочу терять свою жертву из виду.

– Святые небеса! Неужели ты влюбился в эту парочку смертных?

– Нет-нет. Ничего подобного. Всего лишь новый вид охоты. Знаешь, он просто уникален – совершенно самобытная личность. Я в восторге от него. С самого первого дня, как я его встретил, меня не покидает желание поскорее напиться его крови, но с тех пор он не перестает меня удивлять. И вот уже полгода я повсюду следую за ним.

Я бросил быстрый взгляд в их сторону. Да, все как я и предполагал: они только что встали из-за столика и собирались подняться в номер. Погода была слишком отвратительной даже для Доры, которая намеревалась отправиться в собор, чтобы помолиться за своего отца, и даже надеялась уговорить его присоединиться к ее молитвам. Из обрывков их мыслей и отдельных слов я сделал вывод, что отца с дочерью связывает какое-то общее воспоминание. Дора была совсем маленькой, когда он впервые привел ее в этот собор.

Сам отец ни во что не верил. Она же была своего рода религиозным лидером – читала проповеди в телевизионных аудиториях, убеждая собравшихся в величии духовных ценностей. Что же касается ее отца… Впрочем, я убью его прежде, чем узнаю о нем слишком много, или… Или все кончится тем, что ради Доры я откажусь от этого соблазнительного трофея.

Я оглянулся на Дэвида. Прислонившись плечом к обитой темным атласом стене, он смотрел на меня внимательно и напряженно. При таком освещении никому и в голову не могло прийти, что перед ними не живой человек. Даже наши соплеменники запросто могли ошибиться. Что до меня, то я, вероятно, походил на безумную рок-звезду, жаждущую привлечь к себе внимание всего мира, даже если ценой успеха будет медленная смерть.

– Моя жертва не имеет ко всему этому никакого отношения, – сказал я. – Позже я тебе объясню. Мы оказались здесь только потому, что я последовал за ним в этот отель. Ты же

знаешь, охота для меня лишь развлечение. На самом деле я нуждаюсь в свежей крови не в большей степени, чем Маарет, но мне невыносимо даже думать о том, что я ее не получу.

– И в чем же заключается суть твоей новой игры? – Британский акцент придавал голосу Дэвида особенную любезность.

– С некоторых пор я не гоняюсь за примитивными и злобными убийцами, а предпочитаю иметь дело с более искушенными и изощренными преступниками, по складу ума похожими, скажем, на Яго. Вот этот, например, наркоделец. Весьма эксцентричная личность. Выдающаяся, можно сказать. Он коллекционирует предметы искусства. Ему нравится сажать людей на иглу и зарабатывать миллиарды в неделю на кокаине и героине. И в то же время он обожает свою дочь. А она… Она читает евангелистские проповеди на телевидении.

– Ты и вправду очарован этими смертными.

– Взгляни. Видишь тех двоих за моей спиной в холле? Они сейчас направляются к лифтам.

– Отлично вижу. – Дэвид пристально вглядывался в тех, на кого я указал.

Видимо, они остановились как раз в том месте, где он мог хорошенько их рассмотреть. Я слышал их, ощущал их запах, но, пока не обернулся, не мог с точностью сказать, где именно они находились. Знал только, что они неподалеку – темнокожий улыбающийся мужчина и его бледнолицая девочка, женщина-дитя, наивная и нетерпеливая. Если я не ошибся в расчетах, ей лет двадцать пять.

– Мне знакомо его лицо, – сказал Дэвид. – Большой человек. Знаменитость. Причем на международном уровне. Его не раз пытались привлечь к суду по разным обвинениям. Он причастен к какому-то нашумевшему политическому убийству… Постой… Где же это было?..

– На Багамах.

– Бог мой! Каким же образом тебя угораздило выбрать в качестве жертвы именно его? Неужели ты действительно встретил этого человека случайно, подобно тому как натыкаешься на раковину, валяющуюся на морском берегу? Или ты увидел его портреты в газетах и журналах?

– Ты знаешь девушку? Никто не подозревает, что они каким-то образом связаны между собой.

– Нет, я ее не знаю. А что, должен? Очень миленькая, симпатичная. Надеюсь, ты не намерен сделать и ее своей жертвой.

Его благородный гнев, вызванный столь чудовищным предположением, заставил меня рассмеяться. Интересно, думал я, уж не спрашивает ли сам Дэвид у будущих жертв согласия отдать ему свою кровь? Или он ограничивается взаимным представлением обеих сторон? Его привычки и манера убивать не были мне известны, равно как и то, как часто ему необходимо питаться. Я сделал его достаточно сильным, а это означало, что он мог пить кровь по крайней мере не каждую ночь. В этом смысле ему повезло.

– Девушка поет религиозные гимны в телестудии, – пояснил я. – Ее церковь в будущем должна обосноваться в старом здании женского монастыря в Новом Орлеане. Сейчас она живет там одна и записывает свои программы в студии – где-то во Французском квартале. Насколько мне известно, ее шоу транслирует из Алабамы какой-то всемирный кабельный канал.

– По-моему, ты в нее влюбился.

– Ничего подобного. Просто мне очень хочется покончить с ее отцом. Ее выступления по телевизору весьма своеобразны. Она очень здраво и захватывающе интересно рассуждает на богословские темы. Такие проповедники способны убеждать аудиторию. И при этом танцует, как нимфа или весталка, и поет, как серафим, приглашая всех присоединиться к ее молитвам. Удивительное сочетание теологии и вдохновенного экстаза, сопровождаемое соответствующими полезными советами и рекомендациями.

– Понятно, – сказал Дэвид. – И все это возбуждает тебя и делает идею напиться крови ее отца еще более привлекательной. Кстати, он не производит впечатление человека скромного и, похоже, отнюдь не стремится прятаться от посторонних глаз. Ты уверен, что никто не догадывается о их родстве?

Двери лифта открылись, отец с дочерью вошли внутрь, и машина понесла их к небесам.

– Он приходит и уходит, когда захочет. У него целая армия телохранителей. Она девушка вполне самостоятельная и встречается с ним исключительно по собственной инициативе. Судя по всему, они договариваются по сотовому телефону. Он – кокаиновый гигант, а она – самое ценное, что есть у него в жизни. Его люди расставлены по всему холлу. Случись что-то непредвиденное, она немедленно покинула бы ресторан одна. О, он поистине корифей в такого рода делах. Даже если в пяти штатах будут выданы ордера на его арест, он спокойно появится перед телекамерами сидящим в первом ряду на матче тяжеловесов где-нибудь в Атлантик-Сити. Представители власти его никогда не поймают. Но его поймаю я, вампир, мечтающий его убить и выжидающий лишь подходящего случая. Ну разве это не прекрасно?

– Постой, дай мне во всем разобраться. За тобой кто-то – или что-то – наблюдает, но ни твоя жертва – наркоделец или кто он там еще, – ни девушка-телепроповедник не имеют к этому никакого отношения. Тем не менее тебя что-то преследует, что-то пугает, однако не настолько, чтобы ты прекратил гоняться за темнокожим человеком, который только что вошел в лифт.

Я кивнул, но тут же усомнился в собственной правоте… Нет, никакой связи здесь быть не может.

К тому же события, перепугавшие меня до мозга костей, начали происходить раньше, чем я увидел свою жертву. Впервые наблюдатель появился в Рио вскоре после того, как я расстался с Луи и Дэвидом и вернулся туда, чтобы поохотиться.

А свою жертву я заметил уже в Новом Орлеане. По прихоти судьбы он примчался в мой город на встречу с Дорой и провел с ней всего двадцать минут в одном из маленьких баров во Французском квартале. Но именно тогда мне случилось проходить мимо и увидеть разгоряченного, возбужденного мужчину, а рядом с ним белокожую девушку с огромными, полными сочувствия глазами. При взгляде на эту картину меня охватил неутолимый голод.

– Нет, он никак с этим не связан, – еще раз подтвердил я. – За мной стали наблюдать несколькими месяцами раньше. К тому же он не знает, что я повсюду следую за ним. Точно так же и мне даже в голову не приходило, что… что за мной следит это…

– Что – это?

– Знаешь, слежка за ним и его дочерью для меня своего рода захватывающий минисериал. Он так изощренно порочен…

– Об этом ты уже говорил. Но кто или что наблюдает за тобой? Это существо, или человек, или…

– Скажу чуть позже. Он – я имею в виду свою жертву – убил столько людей… Наркотики… Таких, как он, интересуют только цифры, они погрязли в них. Килограммы и килограммы… Закодированные счета в банках… А девушка… Девушка оказалась вовсе не из числа тупых чудотворцев, утверждающих, что они способны исцелять болезни путем наложения рук.

– Лестат! Твоя речь совершенно бессвязна! Ты несешь какой-то бред! Что с тобой? Почему ты так напуган? И почему ты не хочешь убить наконец свою жертву и покончить с этим делом раз и навсегда?

– Ты хочешь уехать обратно к Джесс и Маарет, не так ли? – спросил я, охваченный внезапным отчаянием. – Мечтаешь еще сто лет провести среди всех этих табличек и свитков, слушать рассказы Маарет и смотреть ей в глаза? Скажи, она по-прежнему предпочитает голубые?

Когда Маарет стала царицей вампиров, она была слепой, потому что глаза ей вырвали. Она отбирала глаза у своих жертв и пользовалась ими до тех пор, пока они не утрачивали способность видеть. А это рано или поздно неизбежно происходило, и даже ее древняя вампир-

ская кровь не могла остановить процесс. Ужасно было видеть эту словно изваянную из мрамора царственную женщину с кровоточащими глазницами. А почему бы ей не свернуть шею какому-нибудь новообращенному вампиру и не позаимствовать его – или ее – глаза? Странно, что никогда прежде эта мысль не приходила мне в голову. Что ей мешает? Нежелание причинять вред себе подобным? Или сознание, что и это не поможет? Так или иначе, у нее были свои принципы, не менее твердые, чем она сама. Эта женщина помнила те времена, когда на свете не было еще ни Моисея, ни законов Хаммурапи, и только фараоны проходили Долиной мертвых.

– Лестат! – Голос Дэвида вернул меня к действительности. – Возьми себя в руки. Ты должен объяснить мне, в чем все-таки дело. Я еще никогда не видел тебя таким испуганным. И уж тем более ты сам в этом не признавался. А теперь ты заявляешь, что боишься. Забудь на время обо мне. Забудь о своей жертве и его дочери. В чем дело, дружище? Скажи, кто тебя преследует?

– Сначала я хочу задать тебе еще несколько вопросов.

– Нет. Расскажи, что случилось. Тебе действительно грозит опасность? Или это не более чем предположение? Ты позвал меня, попросил приехать. Это была мольба о помощи.

– Это Арман так сказал? «Мольба о помощи» – его слова? Ненавижу Армана!

Дэвид в ответ лишь улыбнулся и сделал нетерпеливый жест обеими руками.

– Нет у тебя никакой ненависти к Арману. И ты это прекрасно знаешь.

– Спорим?

Он бросил на меня суровый, осуждающий взгляд. Наверное, так смотрит учитель в английской школе на провинившегося мальчишку.

– Хорошо, – согласился я. – Сейчас расскажу. Но сначала хочу напомнить тебе кое о чем. Речь пойдет о нашем разговоре. Ты тогда был еще смертным джентльменом, и мы беседовали в последний раз в твоем поместье в Котсуолде.

– Да, я помню, – перебил меня Дэвид. – Это было перед тем, как ты ушел в пустыню.

– Нет, после. Когда мы убедились в том, что мне не удастся умереть так легко, как я надеялся. Когда я вернулся обгоревший. Ты ухаживал за мной. А потом стал рассказывать о себе, о своей жизни. Помнишь, ты упомянул об одном эпизоде, о том, что произошло с тобой еще до войны в одном из парижских кафе? Вспомнил? Теперь понимаешь, о чем я говорю?

– Да. Я рассказал тебе, что в молодости мне явилось видение. Во всяком случае, так я думал.

– Вот-вот. Мы тогда предположили, что, возможно, в реальной материи образовалась некая временная дыра и это позволило тебе увидеть то, чего ты не должен был видеть.

Дэвид улыбнулся.

– Это было твое предположение. Я помню его дословно: «В реальной материи – в той, из которой состоит весь окружающий мир, – образовалась небольшая прореха…» Но ты считал это чистой воды случайностью. Я же думал тогда и уверен сейчас в том, что это видение было послано мне преднамеренно. Однако с тех пор прошло уже полвека, и моя память неотчетливо сохранила подробности событий.

– Ничего удивительного. Теперь, став вампиром, ты будешь с полной ясностью помнить все, что с тобой произойдет, но детали смертного существования забудутся очень быстро. Особенно это касается ощущений. В скором времени тебе придется ловить в памяти лишь их отголоски – каков, например, вкус вина…

Дэвид жестом попросил меня замолчать. Ему было неприятно это слышать. Но я совсем не хотел его расстраивать.

Взяв в руки стакан, я вдохнул аромат налитого в него напитка. Что-то с добавлением пряностей. Кажется, это называется рождественским пуншем. Я поставил стакан на место. Мои руки и лицо по-прежнему оставались темными – последствия пребывания в пустыне и

попытки предстать перед ликом солнца. Забавно, но сейчас это помогало мне сойти за смертного. Однако обожженные руки стали более чувствительными к теплу.

Тепло… Меня охватило блаженство. Иногда мне кажется, что я способен буквально из всего извлекать выгоду и что такого сенсуалиста, как я, способного умереть со смеху при виде рисунка на ковре в холле, просто невозможно обвести вокруг пальца.

Я вновь поймал на себе взгляд Дэвида.

Похоже, он сумел взять себя в руки. А быть может, действительно простил – в тысячный, наверное, раз! – меня за то, что я перенес в тело вампира его бессмертную душу, не спросив на это Дэвидова согласия, а фактически даже вопреки его воле.

Как бы то ни было, сейчас он смотрел на меня едва ли не с любовью, словно понимал, что я нуждаюсь в такой поддержке.

Я действительно в ней нуждался и принял ее с благодарностью.

– В парижском кафе ты стал свидетелем беседы между двумя существами, – вернулся я к воспоминаниям о давнем видении Дэвида. – Ты был молод. И постепенно ты осознал, что этих существ рядом с тобой – в материальном воплощении – на самом деле не было и что язык, на котором они говорили, тебе совершенно незнаком и тем не менее ты понимаешь каждое сказанное ими слово.

– Все правильно, – кивнул он. – И выглядело все это как спор между Богом и дьяволом.

Теперь настала моя очередь согласно кивнуть.

– Да. И когда я в прошлом году оставлял тебя в джунглях, ты сказал, что у меня нет оснований для беспокойства, обещал, что не станешь углубляться в дебри религиозных учений, дабы вновь встретить Бога и дьявола в парижском кафе. Ты заявил, что потратил на такого рода поиски всю свою смертную жизнь, проведенную в Таламаске, и что теперь тебя интересуют иные вопросы.

– Все правильно. Видение вспоминается мне сейчас гораздо менее отчетливо, чем в момент того нашего разговора. Однако я его не забыл. И по-прежнему уверен, что действительно видел и слышал тогда нечто такое, что мне никогда не дано будет постичь.

– Значит, ты, как и обещал, оставляешь Бога и дьявола Таламаске?

– Таламаске я оставляю дьявола, – ответил Дэвид. – Не думаю, что орден медиумов и экстрасенсов когда-либо интересовался Богом.

Мне оставалось с ним только согласиться. Мы оба не выпускали из виду деятельность этого уважаемого ордена, однако из всех его членов лишь одному была известна истинная судьба Дэвида Тальбота – бывшему Верховному главе Таламаски по имени Эрон Лайтнер. К сожалению, его уже нет в живых. Смерть единственного человека, который знал о нем правду, потрясла Дэвида и повергла в печаль. Мало того, Лайтнер был его единственным смертным другом, таким же понимающим, каким сам Дэвид был для меня.

– У тебя тоже было видение? – спросил он, стремясь удержать нить разговора. – Оно стало причиной твоего испуга?

– Все не так просто, – покачал головой я. – Но тот, кто за мной наблюдает, время от времени посылает мне мимолетные сигналы. Иногда я их вижу краешком глаза, однако по большей части слышу. Это могут быть какие-то его разговоры с неизвестными, причем голос звучит совершенно естественно; а иногда до меня вдруг доносятся его шаги за спиной, заставляющие в страхе оборачиваться и оглядываться по сторонам. Поверь, я тебя не обманываю. И когда это происходит, я чувствую себя совершенно сбитым с толку и утрачиваю всякое ощущение реальности – как будто напился в стельку. Потом в течение примерно недели – ничего. А затем я вновь ловлю обрывки разговора.

– Ты можешь вспомнить хоть какие-то слова?

– Едва ли я сумею пересказать тебе фрагменты по порядку. Ведь многие я услышал прежде, чем до меня дошло, что они собой представляют. На каком-то подсознательном уровне

я понимал, что голос доносится откуда-то из другого места, – иными словами, его обладатель находится не в соседней комнате. Однако, насколько мне известно, и этому можно было найти вполне естественное объяснение – электронные средства.

– Да, я понимаю.

– Но эти фрагменты все же часть разговора – и собеседников двое. Один, *один из них*, говорит: «О нет, он само совершенство. И речь идет вовсе не о возмездии. С чего ты взял, что я жажду возмездия?..» – Я пожал плечами. – Это явно середина чьей-то беседы…

– Согласен, – отозвался Дэвид. – И ты полагаешь, что этот некто позволяет тебе услышать лишь ее малую толику. Точно так же, как когда-то мне было явлено то видение в кафе.

– Вот именно. И меня это мучает. Последний случай произошел всего лишь два дня назад. В Новом Орлеане, когда я следил за дочерью своей жертвы – Дорой. Я уже говорил, что она живет там в старом здании женского монастыря, построенном еще в восьмидесятых годах девятнадцатого столетия. Оно давно разграблено и уже много лет пустует. Сейчас монастырские постройки напоминают скорее остов кирпичного замка. И эта маленькая ласточка, совсем еще девочка, бесстрашно живет там в полном одиночестве, как будто считает себя неуязвимой.

Так или иначе, я оказался в этом монастыре и вошел во двор. Ты знаешь, каковы особенности архитектуры таких старых построек: главное здание, два длинных боковых крыла, внутренний двор.

– Довольно стандартное кирпичное сооружение конца девятнадцатого века.

– Совершенно верно. Так вот, я заглянул в окно и увидел, как она с фонариком в руке идет по темному, хоть глаз коли, коридору и тихо напевает себе под нос один из своих гимнов. Удивительно, эти гимны, казалось бы, звучат вполне современно, но в них присутствует и нечто средневековое.

– Примерно то, что мы называем искусством Нового времени?

– Да, наверное. Но, как я уже говорил, девочка работает на всемирном религиозном канале. И ее программы весьма традиционны, я бы даже сказал – консервативны: верьте в Иисуса, молитесь о спасении души и так далее. По-моему, она надеется своими песнями и танцами проложить людям дорогу в небеса, особенно женщинам – им, во всяком случае, в первую очередь.

– Продолжай, пожалуйста. Итак, ты следил за ней.

– Да, и думал о том, какая она смелая. В конце концов она дошла до своих комнат, расположенных в одной из четырех башен монастыря, и до меня донеслись звуки запираемых замков и засовов. Тогда мне вдруг пришла в голову мысль, что далеко не многие отважатся бродить по этим темным зданиям, тем более если учесть, что место там не совсем чистое.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, всяких там духов природы, элементалей – так, кажется, называют их в Таламаске.

– Да.

– Так вот. Они обитают там, в этих зданиях. Но для девушки они не представляют опасности. Она для них слишком смелая и сильная. Иное дело – следящий за ней вампир, который стоит во дворе и заглядывает в окно. И вот, представь себе, он слышит возле самого своего уха разговор. За его спиной беседуют двое, и тот, другой, который *не наблюдает* за мной, говорит: «Нет, я не вижу его в том же свете…» Я обернулся и принялся крутить головой во все стороны, пытаясь отыскать говорившего, вызвать его на бой и сразиться с ним на любом, пусть даже не материальном уровне. И вдруг я понял, что эти мелкие, надоедливые духи-элементали… эти отвратительные существа, поселившиеся в монастыре… скорее всего, даже не подозревают о том, что кто-то – или что-то – находится совсем рядом и разговаривает прямо возле моего уха.

– Лестат, твои речи безумны. Неужели ты утратил свой бессмертный разум? Нет-нет, пожалуйста, не сердись. Я верю тебе. Но давай вернемся чуть-чуть назад. Скажи, почему ты следил за девушкой?

– Мне необходимо было просто ее увидеть. Дело в том, что моя жертва отлично понимает, кто он и чем занимается, и его очень беспокоит, что именно известно о нем властям. Он переживает за дочь, боится, что, если ему будет предъявлено обвинение и начнется шумиха в газетах, это запятнает ее репутацию. Он не знает, что никакого обвинения не будет, потому что я убью его раньше.

– Да, конечно, и тем самым спасешь девушку и ее церковь.

– Ничто на свете не заставит меня причинить ей хотя бы малейший вред.

– Ты уверен, что не влюбился? Такое впечатление, что она тебя околдовала.

Я молчал, вспоминая о своей единственной любви.

Это была смертная девушка по имени Гретхен, монахиня. По моей вине она сошла с ума. Дэвид хорошо знал всю историю, равно как и то, что я подробно рассказал о ней и о нем самом в своей книге, сделав их таким образом известными всему миру.

– Я никогда не откроюсь Доре, как в свое время Гретхен, – сказал я. – Нет, я не сделаю ей больно, ибо хорошо усвоил урок. Моя задача – убить ее отца таким образом, чтобы причинить ей как можно меньше страданий и дать возможность извлечь из его смерти максимум пользы. Она знает, кто он, однако, боюсь, плохо себе представляет все неблагоприятные последствия его бизнеса и совершенно не готова к тем неприятностям, которые могут возникнуть по его вине.

– Подумать только! Ты хочешь поступить с ней порядочно, но при этом ведешь рискованную игру.

– Видишь ли, я должен как-то отвлечься от мыслей о своем преследователе. В противном случае я сойду с ума.

– Ну ладно, ладно. Что с тобой происходит? Господи! Да ты вне себя от страха!

– Конечно, – прошептал я.

– Расскажи мне подробнее об этих таинственных голосах. Постарайся вспомнить еще какие-нибудь фрагменты.

– Они не стоят того, чтобы их повторять, – ответил я. – Это спор. И поверь, Дэвид, он напрямую касается меня. Как будто Бог и дьявол спорят обо *мне*.

Я старался отдышаться и прийти в себя. Сердце болело и билось слишком быстро – чересчур быстро для сердца вампира. Прислонившись спиной к стене, я обвел взглядом посетителей бара: публика в основном была здесь среднего возраста – дамы в старомодных меховых нарядах и лысеющие мужчины, уже успевшие выпить вполне достаточно, чтобы вести себя шумно и беззаботно и делать потуги выглядеть моложе, чем есть.

Пианист наигрывал какую-то популярную мелодию – кажется, из бродвейского мюзикла, – печальную и очень милую. Одна из пожилых дам раскачивалась ей в такт и подпевала, беззвучно шевеля накрашенными губами и время от времени затягиваясь сигаретой. Она принадлежала к поколению, которое всегда курило так много, что уже не могло отказаться от этой вредной привычки. Кожа у нее была как у ящерицы, однако в целом она производила впечатление вполне безобидного и симпатичного существа. Да и все посетители казались мне такими – безобидными и симпатичными.

А чем занята сейчас моя жертва? Он все еще наверху, с дочерью. Я слышал, как он упрашивает Дору принять от него очередной подарок. Кажется, речь шла о картине.

Этот человек готов был горы свернуть ради своей девочки, но она решительно отвергала его помощь и подарки и не желала облегчить его душу.

Интересно, как долго остаются открытыми двери собора Святого Патрика? Сам не знаю, почему мне вдруг пришел в голову этот вопрос. Быть может, потому, что ей очень хотелось пойти наконец туда. Как обычно, она категорически отказывалась от его денег, поскольку считала их «грязными». «Роже, – как раз в тот момент говорила она ему, – мне нужна твоя душа.

А деньги для церкви я взять не могу, потому что они нажиты преступным путем. Это грязные деньги».

На улице шел снег. Звуки пианино стали громче, настойчивее, ритм их ускорился. «Фантом-опера» Эндрю Ллойда Уэббера – музыка, созданная талантливым композитором в период наивысшего творческого расцвета.

Из холла вновь донесся какой-то шум. Я резко повернулся в ту сторону и прислушался. Потом вновь перевел взгляд на Дэвида. Мне показалось, я вновь слышу чьи-то отдающиеся эхом шаги, те самые, которые повергали меня в неописуемый ужас. Я был уверен, что это они. Меня охватила дрожь.

Неожиданно все стихло. Я не услышал никаких голосов. И посмотрел на Дэвида.

– Лестат, да ты окаменел от страха! – В голосе Дэвида слышалось искреннее сочувствие.

– Дэвид, послушай, мне кажется, дьявол пришел за мной. Мне кажется, я вот-вот отправлюсь в ад.

Он буквально лишился дара речи. Да и что мог он сказать? Что в такой ситуации говорят друг другу вампиры? Что, например, мог бы сказать я Арману, который старше меня на триста лет и во сто крат порочнее, приди он ко мне и заяви, что за ним пришел дьявол? Наверное, только посмеялся бы над ним и отпустил какую-нибудь злую шуточку типа того, что он вполне заслуживает такой участи и встретит в аду много знакомых из нашего племени, обреченных на особые муки, гораздо более страшные, чем когда-либо доводилось испытывать любому прóклятому смертному.

– Боже всемогущий! – едва слышно прошептал я и содрогнулся.

– Ты сказал, что видел его?..

– Не знаю, не уверен… Я был… где-то в другом месте… Впрочем, это не важно. Кажется, снова в Нью-Йорке… Да, здесь, с ним…

– С жертвой?

– Да, я следил за ним.

– Он проворачивал очередную сделку в какой-то художественной галерее. Он опытный контрабандист. Особенность его натуры состоит еще и в том, что он большой ценитель красоты и предметов искусства древности. В этом смысле вы с ним очень похожи. Знаешь, Дэвид, когда я его наконец убью, непременно принесу тебе что-нибудь из его сокровищ.

Дэвид промолчал, однако я видел, что ему неприятна сама мысль о краже ценностей у человека, который пока еще жив, но уже приговорен мною к смерти.

– Средневековые книги, кресты, ювелирные изделия, реликты древности и церковные реликвии – вот лишь неполный перечень предметов искусства, интересовавших этого человека, – продолжал я. – Он скупал бесценные статуи и изображения ангелов и святых, украденные во время Второй мировой войны из храмов Европы. Наиболее ценные из них хранятся в его квартире в Верхнем Ист-Сайде. Существование этой квартиры – самая большая его тайна. Именно страсть к коллекционированию, как мне кажется, заставила его стать наркодельцом, и деньги, полученные от торговли наркотиками, служили лишь средством к достижению цели. У кого-то имелось то, что очень хотелось иметь ему самому. Не знаю, так, наверное, все происходило. Я пытался читать его мысли, но это занятие быстро меня утомило. Он порочен. В его реликвиях нет никакой магии. А я отправляюсь в ад.

– Не торопись, – откликнулся Дэвид. – Наблюдатель… Расскажи о нем поподробнее. Что именно ты видел?

Я молчал, ибо заранее боялся этой минуты. То, что мне являлось, я не пытался определить даже для себя самого. Однако нужно было продолжать. Ведь я сам позвал Дэвида и попросил его о помощи. И теперь он ждал объяснений.

– Это произошло на Пятой авеню. Он, моя жертва, ехал в машине, направляясь в центр города – в свою тайную квартиру, где хранились сокровища.

Я знал, куда он собрался, и просто шел по улице, ничем не отличаясь от прогуливавшихся тут же обычных смертных. Возле одного из отелей я остановился и решил зайти, чтобы полюбоваться цветами. Ты же знаешь, в любом приличном отеле всегда есть цветы. И когда зимой на душе становится совсем тошно, можно заглянуть в какой-нибудь из них и насладиться ароматом шикарных лилий.

– Да, это я знаю, – с тихим вздохом равнодушно отозвался Дэвид. – Знаю.

– Я стоял в холле и смотрел на огромный букет. Мне вдруг захотелось… как бы это объяснить… захотелось оставить какой-нибудь подарок, что ли… как в церкви… для тех, кто составил такой прекрасный букет… в общем, что-то в этом роде. Затем я подумал, что лучше будет, пожалуй, сначала убить мою жертву, и вдруг… Клянусь, Дэвид, все так и было.

Вдруг все исчезло, точнее, словно почва ушла у меня из-под ног. Отель тоже исчез. Я оказался в пустоте – я парил в пространстве, но вокруг меня было множество людей. Они кричали и выли, разговаривали и визжали, плакали и смеялись. Да-да, Дэвид, именно смеялись! Причем все это происходило одновременно. И свет, Дэвид… Ослепительный свет. Не тьма и не банальные языки адского пламени. И я потянулся к чему-то. И тут обнаружил, что тянусь не руками… по правде говоря, у меня не было рук… они куда-то пропали. Я потянулся всем своим существом, каждым мускулом, каждой клеточкой тела, всеми фибрами своей души – потянулся к чему-то, стремясь ухватиться за него и восстановить равновесие. Вдруг я осознал, что стою на твердой земле, и прямо перед собой увидел это существо… тень от него падала на меня. Знаешь, нет слов, чтобы его описать… Скажу только, что оно было ужасно. Ничего страшнее я в своей жизни не видел. За его спиной сиял свет, и оно стояло как раз между мной и светом, а лицо его… лицо его оставалось в темноте и само было темным, совершенно темным. Едва взглянув на него, я потерял самообладание. Кажется, даже зарычал. Однако не могу с уверенностью утверждать, что на самом деле издал хоть малейший звук.

Когда я пришел в себя, то увидел, что по-прежнему стою в том же холле. Все вокруг выглядело как обычно, но у меня было такое ощущение, что в том, другом, месте я провел много-много лет. Однако я не в силах был вспомнить подробности – память сохранила лишь жалкие обрывки воспоминаний, но и они улетучивались так стремительно, что я не успевал сосредоточиться ни на одном из них, дабы осознать или хотя бы предположить, что же все-таки произошло.

Все, что осталось в памяти, я только что изложил. Я стоял в холле. И смотрел на цветы. Никто не обращал на меня внимания. Я делал вид, что ничего особенного не случилось. Но при этом настойчиво пытался вспомнить, выхватить что-то конкретное из множества отрывочных фрагментов разговора, угроз, внешних деталей. И все это время я совершенно отчетливо видел перед собой отвратительное темное существо – именно таким мы обычно представляем демона и описываем его тем, кого хотим лишить разума. Я видел его лицо и…

– И что?

– Я видел его еще дважды…

Принесенной официантом салфеткой я промокнул влажный от пота лоб. Дэвид сделал заказ и, когда официант отошел, наклонился совсем близко ко мне и тихо спросил:

– Ты думаешь, что видел дьявола?

– Мы оба знаем, Дэвид, что меня трудно испугать, тем более до такой степени, – ответил я. – Нет такого вампира, которому удалось бы вызвать в моей душе страх. Я не боюсь ни старейших из нас, ни мудрейших, ни самых жестоких. Я не боюсь даже Маарет. А какие еще сверхъестественные силы мне известны? Элементали, полтергейсты, безмозглые духи, которых мы сплошь и рядом видим и знаем. Или те существа, духи природы, которых можно вызвать с помощью ритуалов кандомбле.

– Я понимаю, – откликнулся он.

– Это было божество во плоти, Дэвид.

Он улыбнулся, но без тени недоброжелательства или злорадства.

– Ну если дело касается тебя, Лестат, – поддразнил он мягко, – следует скорее говорить о дьяволе во плоти.

Мы оба рассмеялись, однако, как любят выражаться многие писатели, смех наш был безрадостным.

– В следующий раз это произошло в Новом Орлеане, неподалеку от нашего дома – квартиры на Рю-Рояль. Я прогуливался и вдруг услышал за спиной шаги, как будто кто-то преследовал меня и хотел, чтобы я знал об этом. Черт побери, сколько раз я сам проделывал подобные трюки со смертными! Жестокая шутка, должен признаться. Господи! И зачем только меня таким создали! А в третий раз это существо вновь оказалось совсем рядом. Ситуация повторилась. Огромное создание буквально нависло надо мной. И крылья! Дэвид, у него были крылья! Не знаю, обладал ли он ими на самом деле или, объятый ужасом, я наделил его крыльями лишь в своем воображении, но я видел перед собой крылатое существо. Оно было ужасным, и это последнее видение длилось достаточно, чтобы я в страхе бежал от него, как последний трус. Когда я очнулся, то, как и всегда в таких случаях, обнаружил, что по-прежнему нахожусь в хорошо знакомом месте и вокруг ровным счетом ничего не изменилось.

– А оно не заговаривает с тобой, когда вот так появляется?

– Нет. Оно стремится свести меня с ума. Оно пытается… не знаю… возможно, хочет заставить меня сделать что-то. Помнишь, Дэвид, ты говорил, что тоже не знаешь, почему Бог и дьявол позволили тебе их увидеть?

– А тебе не приходило в голову, что произошедшее все-таки связано с жертвой, которую ты преследуешь? Быть может, кто-то или что-то не хочет, чтобы ты убил этого человека.

– Но это же полный абсурд, Дэвид. Ты только подумай, сколько бед и страданий сегодня в нашем мире. Вспомни о тех, кто гибнет в Восточной Европе, о войнах на Святой земле, о том, что творится в этом городе, в конце концов. Так неужели ты полагаешь, что Бог или дьявол станут беспокоиться о судьбе одного человека? А мы? Мы и нам подобные, пищей для которых веками служат те, кто слаб, беззащитен или, к своему несчастью, просто привлек к себе наше внимание? Известен ли тебе хоть один случай, когда дьявол вмешался в дела Луи, Армана, Мариуса или любого другого из нас? О, если бы только можно было вызвать его, добиться его августейшего появления и выяснить все раз и навсегда!

– А ты хочешь знать истину? – В голосе Дэвида слышался неподдельный интерес.

После минутного раздумья я отрицательно покачал головой.

– Не думаю, что это вообще можно объяснить. Я ненавижу собственный страх. Тебе не кажется, что это безумие? Возможно, это и есть ад. Ты лишаешься разума, и тобой мгновенно овладевают все демоны, которых ты когда-либо призывал.

– Грех так говорить, Лестат. Твои речи исполнены зла.

Я хотел было ответить, но вдруг запнулся. Зло…

– Ты говорил, что это было ужасно, – продолжал Дэвид, – что вокруг царил страшный шум, ты говорил о свете. Но зло? Ощущал ли ты при этом присутствие зла?

– Ну-у… Откровенно говоря, нет. Я его не ощущал. Скорее я испытывал те же чувства, что и в тот момент, когда слышал отрывки той беседы… ощущение прямоты и искренности… да, пожалуй, это самое подходящее определение. И некой целенаправленной преднамеренности. И еще, Дэвид, должен тебе сказать, что существо, которое наблюдает за мной, обладает недремлющим разумом и ненасытным характером.

– Что?

– Недремлющим разумом, – настаивал я, – и ненасытным характером.

Возможно, мое высказывание прозвучало резко. Однако я знал, что это цитата. Хотя откуда она, я не имел представления. Быть может, из какого-то стихотворения?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Дэвид.

– Не знаю. Я даже не могу сказать, почему произнес именно эти слова. И почему они вдруг пришли мне на ум. Но это правда. У него действительно недремлющий разум и ненасытный характер. Он не смертный. Он не человек.

– Недремлющий разум, – повторил вслед за мной Дэвид, – ненасытный характер.

– Да. Это божество, некое существо, нечто мужского рода. Хотя нет, подожди. Я не уверен, что оно принадлежит именно к мужскому роду. То есть я вообще не знаю, к какому роду его отнести. Скажем так: оно не является ярко выраженным существом женского рода, а потому естественно отнести его к роду мужскому.

– Понимаю.

– Ты считаешь меня сумасшедшим, не так ли? Во всяком случае, тебе бы хотелось так думать. Я прав?

– Конечно же нет.

– Но ты должен так думать, – настаивал я. – Потому что если это существо не плод моего воображения, значит оно обитает где-то вне меня. А следовательно, может сделать объектом своего наблюдения и тебя.

Мои слова заставили Дэвида глубоко задуматься. Ответ его прозвучал для меня полной неожиданностью:

– Но ведь я ему не нужен, не так ли? И другие тоже. Ему нужен ты.

Я совершенно упал духом. Да, я исполнен гордыни, я самовлюбленное создание, я обожаю внимание, я жажду славы, я хочу быть желанным для Бога и дьявола… Я хочу… Я хочу… Я хочу…

– Я ни в коей мере не порицаю тебя, – сказал Дэвид. – Я просто размышляю и строю предположения. Почему это существо не пыталось угрожать другим? Быть может, потому, что в течение многих столетий никто из них… по крайней мере никто из тех, кого мы знаем, не осмеливался коснуться этой темы. А ты в своих книгах совершенно недвусмысленно заявил, что ни один вампир никогда не встречался с дьяволом. Или я не прав?

Я пожал плечами в знак согласия. Луи, мой возлюбленный ученик и мое любимое создание, однажды пересек океан в надежде отыскать старейших вампиров и встретился с Арманом, который принял его с распростертыми объятиями и заявил, что ни Бога, ни дьявола не существует. А за полвека до него я сам отправился на поиски родоначальников нашего племени и нашел Мариуса, ставшего вампиром еще во времена Древнего Рима. Он тоже утверждал, что нет ни Бога, ни дьявола.

Я сидел неподвижно, ощущая непонятный дискомфорт, чувствуя, что в помещении душно, что запахи, наполнявшие его, вовсе не настоящие, что на самом деле никаких лилий там нет и что на улице становится все холоднее и холоднее. А еще я думал о том, что не могу даже надеяться на отдых, пока не наступит рассвет, что впереди еще долгая ночь, что я не нужен Дэвиду и рискую его потерять… и что это существо может прийти, что оно может появиться снова.

– Ты останешься со мной? – спросил я, сам себя ненавидя за свой вопрос.

– Я буду рядом и постараюсь удержать тебя, если оно захочет тебя забрать.

– Ты действительно это сделаешь?

– Да, – кивнул он.

– Но почему?

– Не будь глупцом, – ответил он. – Послушай, я не знаю, что именно видел тогда в кафе. И никогда больше мне не довелось ни видеть, ни слышать что-либо подобное. Тебе это известно, ведь я уже рассказывал об этом. Я отправился в Бразилию и постиг тайны кандомбле. В ту ночь… в ту ночь, когда ты приехал за мной, я как раз пытался вызвать духов природы.

– И они пришли. Они откликнулись на твой зов, но оказались слишком слабыми, чтобы помочь…

– Все так. Но… я сейчас о другом. Я говорю о том, что люблю тебя, что мы связаны между собой и эта связь носит совершенно особый характер. Луи поклоняется тебе, словно своего рода темному божеству, хотя он и делает вид, что ненавидит тебя за то, что ты сделал его себе подобным. Арман тебе завидует – причем гораздо сильнее, чем ты предполагаешь, – и шпионит за тобой.

– Я вижу и слышу Армана, но не обращаю на него внимания.

– Что до Мариуса, то он не простил тебе нежелание стать его учеником, его помощником и правой рукой; он не простил твой отказ поверить в то, что история представляет собой некий процесс, последовательность связанных между собой событий, направленных во искупление…

– Отлично сказано. Именно в этом состоит его вера. Однако он сердит на меня за гораздо более тяжелые проступки. Ты не был одним из нас, когда я пробудил Отца и Мать, и не присутствовал при этом… Впрочем, это сейчас к делу не относится.

– Мне все известно. Ты забыл о своих книгах. Как только они становились доступными смертным, я немедленно принимался за чтение.

– Быть может, дьявол тоже удосужился их прочесть, – с горьким смешком заметил я. О, как я ненавидел себя за этот страх! Он приводил меня в ярость.

– Суть в том, что я останусь с тобой. – Он опустил взгляд и погрузился в размышления, как часто делал, еще будучи смертным. Даже тогда, когда я мог читать его мысли, он умел усилием воли скрывать их от меня. А теперь между нами вырос барьер, и ни сейчас, ни впредь мне не удастся проникнуть в его разум.

– Я голоден, – прошептал я.

– Отправляйся на охоту.

Я отрицательно качнул головой.

– Нет, я возьму свою жертву, как только почувствую себя к этому готовым. Еще немного – и Дора уедет из Нью-Йорка, вернется в свой старый монастырь. Она знает, что мерзавец обречен. И когда я наконец доберусь до него, она решит, что это дело рук его врагов – а их у него великое множество – и что пришел час возмездия за все причиненное им зло. Ну просто как в Библии. А между тем все гораздо проще, и истина состоит в том, что ее папочка попался на глаза некоему существу, убийце, вампиру, скитающемуся по Саду Зла, каковым, собственно, и является весь наш мир, в поисках подходящей жертвы. Вот какой конец ожидает этого человека.

– Ты собираешься его мучить?

– Какой нескромный вопрос, Дэвид! Вот уж не ожидал – ты меня просто поражаешь!

– И все-таки? – Голос Дэвида звучал неуверенно, в нем появились почти умоляющие нотки.

– Не думаю. Я просто хочу…

Я улыбнулся. Ему и без моих объяснений все понятно. Нет нужды рассказывать о том, как пьют кровь, а вместе с нею поглощают душу и постигают то, что хранила в своей душе и в сердце жертва. И мне не удастся до конца понять, что собой представляет этот отвратительный смертный, пока я не схвачу его и, крепко прижав к себе, не вскрою его артерию, единственный источник правды, если мне будет позволено так выразиться. Ах, слишком много мыслей, слишком много воспоминаний и гнева…

– Я намерен жить вместе с тобой, – сказал Дэвид. – У тебя здесь снят номер?

– Его нельзя назвать уж очень удобным. Поищи для нас что-нибудь. Желательно поблизости от… поблизости от собора.

– Почему?

– Неужели тебе нужны объяснения? Если дьявол вновь станет меня преследовать, я укроюсь от него в соборе, брошусь на колени перед алтарем, как перед Святым причастием, и буду молить Господа о прощении, дабы он уберег меня от геенны огненной.

– Ты действительно на грани безумия.

– Ничего подобного. Взгляни на меня. Я в состоянии самостоятельно завязать шнурки на ботинках. И галстук. А ведь это требует определенного навыка: нужно правильно повязать его на шею, заправить под воротничок рубашки… чтобы не выглядеть как обмотанный шарфом лунатик. Я вполне в своем уме, как любят выражаться смертные. Так ты поищешь для нас подходящие апартаменты?

Он кивнул.

– Неподалеку от собора есть какая-то стеклянная башня. Чудовищное сооружение.

– Да, знаю, Олимпийская башня.

– Вот-вот. Может быть, ты снимешь номер там? Откровенно говоря, у меня для этого есть специальные агенты из числа смертных. Сам не знаю, почему занимаюсь всеми этими глупостями и ною здесь, как последний дурак, да еще и тебя заставляю заниматься такими мелочами.

– Я обо всем позабочусь. Сегодня уже, наверное, слишком поздно, но завтра вечером я сниму номер на имя Дэвида Тальбота.

– И еще. Моя одежда. Так, небольшой запас – пара чемоданов и несколько пальто. Номер снят на имя Исаака Руммеля. Ведь на дворе как-никак зима.

Я дал Дэвиду ключ от номера, стыдясь унизительности своего поручения. Я превращал его едва ли не в своего слугу. Кто знает, быть может, он изменит решение и снимет номер на имя Ренфилда.

– Не беспокойся. Об этом я тоже позабочусь, – сказал он. – Завтра вечером у нас будет роскошное убежище. Ключи для тебя будут оставлены у портье. Но что ты сам намерен делать?

Я помолчал и прислушался, чем занята моя жертва. Он все еще разговаривал с Дорой. Утром она собиралась уехать.

– Убить этого мерзавца. – Я указал наверх. – Думаю, что сделаю это завтра же вечером, сразу после заката. Если только мне удастся быстро установить его местонахождение. Дора к тому времени уедет. Ты даже не представляешь, как я проголодался. Ну почему бы ей было не улететь сегодня, полуночным рейсом? Ах, Дора, Дора…

– Тебе действительно нравится эта девушка, да?

– Да. Посмотри как-нибудь ее выступление по телевизору, и сам все поймешь. Ее проповеднический дар довольно-таки впечатляющ, а эмоциональная манера выступления просто захватывает. Иногда это даже пугает.

– Она и вправду так талантлива?

– Она девушка богато одаренная во всех отношениях. Очень белая кожа, короткие черные вьющиеся волосы, длинные стройные ноги, замечательной красоты фигура. А танцует она с таким самозабвением, что кажется, будто перед тобой кружится в экстазе какой-нибудь дервиш, и речь ее отнюдь не похожа на бессмысленное бормотание – она исполнена искреннего восторга и доброжелательности.

– Не сомневаюсь, что все так и есть.

– Видишь ли, дело здесь не только в религии. То есть я имею в виду, что ее проповеди – это не бесконечные напоминания о грядущем Апокалипсисе или угрозы, что за вами придет дьявол, если вы немедленно не вышлете ей чек…

Дэвид какое-то время размышлял над моими словами, потом многозначительно произнес:

– Представляю, как обстоит дело…

– Нет, не представляешь. Я люблю ее, но вскоре совершенно о ней забуду. Просто… ну-у… есть в ее проповедях нечто очень убедительное, и при этом их отличает какая-то изысканность, утонченность, что ли… Она искренне верит в то, что Христос и правда существовал, что он странствовал по земле. Она думает, что все это происходило в действительности.

– А это существо, которое наблюдает за тобой… Ты уверен, что оно никак не связано с твоим выбором жертвы, с тем, что это ее отец?

– А вот это можно выяснить.

– Каким образом?

– Убить сукина сына сегодня же ночью. Возможно, я так и сделаю. Как только он выйдет от нее. В отеле он не останется. Он слишком боится навлечь на нее неприятности и подвергнуть ее хоть малейшей опасности. И потому никогда не останавливается в том же отеле, что и она. В этом городе у него есть три квартиры. Меня, откровенно говоря, удивляет, что он провел сегодня с ней так много времени.

– Я останусь с тобой.

– Нет-нет, занимайся своими делами. А это дело позволь мне завершить самостоятельно. Ты мне нужен, Дэвид. Очень нужен, поверь. Мне необходимо было все тебе рассказать и побыть в твоем обществе – чисто человеческая потребность, издревле присущая смертным. Однако это вовсе не означает, что ты должен все время быть рядом. Ты голоден. Я знаю. И мне нет необходимости читать твои мысли, чтобы понять это, почувствовать твою жажду. Боясь меня разочаровать, ты голодаешь с самого приезда сюда. – Я улыбнулся. – Порыскай по городу, Дэвид, и отыщи что-нибудь подходящее для себя. Ведь ты еще не охотился в Нью-Йорке, правда?

Он отрицательно покачал головой. Однако взгляд его изменился. В глазах появился голодный блеск. Такое выражение бывает во взгляде кобеля, учуявшего поблизости неудовлетворенную суку. Это звериное выражение свойственно всем нам, без исключения, ибо на самом деле мы ничем не лучше диких зверей.

– Не забудь о номере в Олимпийской башне, – напомнил я, вставая из-за стола. – И пожалуйста, если это будет возможно, с окнами, выходящими на собор Святого Патрика. И не слишком высоко. Желательно поближе к его шпилям и колокольне.

– Нет, ты определенно утратил свой великолепный сверхъестественный разум.

– Ни в малейшей степени. Однако мне пора, хотя за окнами идет снег. Он собирается уходить и уже нежно целует ее на прощание. Возле отеля его ждет машина. Он, скорее всего, поедет в ту квартиру, где хранятся наиболее ценные из его сокровищ. Он думает, что о ней не знают ни его соперники в преступном бизнесе, ни власти – или что по крайней мере они полагают, будто это антикварный магазин, принадлежащий кому-то из его друзей. Однако мне известно все. И я знаю, как много значат для него спрятанные там произведения искусства. Если он сейчас направится прямо туда, я последую за ним. Времени больше нет, Дэвид, мне надо идти.

– Не знаю, как и поступить, – признался Дэвид. – Я в полном замешательстве и едва не сказал тебе на прощание «Бог в помощь».

Я рассмеялся и, наклонившись, поцеловал его в лоб. Это был мимолетный поцелуй, не способный вызвать ненужных подозрений, даже если кто-то его и заметил. После этого, подавив внезапно охвативший меня приступ безотчетного страха, я вышел из отеля.

Высоко надо мной плакала в своем номере Дора. Она сидела у окна, смотрела, как падают на землю снежинки, и сожалела о том, что отказалась принять его очередной подарок. Ах, если бы только… Прижавшись лбом к холодному стеклу, она молилась о своем отце.

Я пересек улицу. Снег не вызывал у меня неприятных ощущений. В конце концов, я все же монстр, а не человек.

Укрывшись позади собора Святого Патрика, я наблюдал, как моя симпатичная жертва покинула отель, прячась от снега, втянула голову в плечи и поспешно направилась к ожидавшему его дорогому черному автомобилю. Он плюхнулся на заднее сиденье и назвал шоферу адрес – совсем рядом с набитой антикварными вещами квартирой. Прекрасно! По крайней мере, какое-то время он будет там один.

«Почему бы тебе наконец не исполнить задуманное, Лестат? – сказал я себе. – Почему бы не позволить дьяволу завладеть тобой? Вперед! Ты не должен испытывать страх, переступая порог ада. Так иди же!»

Глава 2

До квартиры в Верхнем Ист-Сайде я добрался раньше, чем он. Мне уже много раз доводилось тайно провожать его до самых дверей, и потому дорогу я знал хорошо. Как и обстановку вокруг. Жильцы верхнего и нижнего этажей едва ли имели представление о том, кто занимает эту квартиру. Обычно так же устраивались в своих обиталищах и вампиры. Длинный ряд окон на втором этаже был защищен решетками и скорее походил на тюрьму; попадал туда отец Доры исключительно через заднюю дверь.

Он никогда не позволял водителю подъезжать к самому дому, а останавливал машину на Мэдисон или на Пятой авеню и дальше добирался пешком. Несколько зданий в этих кварталах также принадлежали ему. Однако никто из его преследователей не знал о существовании тайной квартиры.

Я не уверен, что точное ее местонахождение было известно даже его дочери. Во всяком случае, за те несколько месяцев, что я следил за этим человеком, с вожделением ожидая подходящего момента, чтобы отнять наконец у него жизнь, он ни разу не привозил туда Дору. Более того, проникая в ее мысли, я не мог уловить ни единого образа, связанного с этой квартирой.

Но о существовании коллекции раритетов Дора знала. В прежние времена она принимала его подарки. Некоторые из них мне довелось видеть в ту ночь, когда я сопровождал ее до Нового Орлеана и затем неслышно прошел вместе с ней по пустым помещениям монастыря. Но сейчас все изменилось, и моя жертва горько сожалела о том, что дочь решительно отказалась от очередного подношения. По его мнению, вещь была действительно священной.

Проникнуть в квартиру мне не составило труда.

На самом деле квартирой эти апартаменты можно было назвать лишь с большой натяжкой. Правда, там имелся небольшой туалет, довольно-таки грязный, но лишь в том смысле, в котором бывает грязным любое помещение, которым никто не пользуется и которое стоит запертым в течение очень долгого времени. Все остальное пространство до отказа было забито сундуками, чемоданами, статуями, бронзовыми фигурками и огромным количеством бесформенных тюков и пакетов, которые на первый взгляд выглядели обычным хламом, но в действительности скрывали внутри поистине бесценные сокровища и археологические находки.

До сих пор я заглядывал в эту квартиру только через окно и теперь, оказавшись в ней и спрятавшись в одной из дальних комнат, испытывал весьма странное ощущение. В помещении было холодно. Впрочем, как только он придет, повсюду вспыхнет свет и воздух быстро наполнится теплом.

Я чувствовал, что он еще довольно далеко, застрял в пробке где-то на середине Мэдисон-авеню, и потому стал спокойно обследовать квартиру.

Первое, что меня поразило, – это огромная мраморная скульптура ангела, на которую я едва не натолкнулся, войдя в одну из комнат. Такие статуи обычно стоят внутри церкви с чашей в руках. В чаше, сделанной в виде створки раковины, держат святую воду. Я видел их и в Европе, и в Новом Орлеане.

Скульптура была гигантской. Моему взгляду открывался лишь профиль грубо высеченного лица ангела, слепо уставившегося в темноту. Дальний конец помещения тускло озарял свет, проникавший туда с небольшой оживленной улочки, упиравшейся в Пятую авеню. Обычный для Нью-Йорка шум уличного движения доносился сюда даже сквозь стены.

Поза ангела была такой, словно он только что спустился с небес, чтобы одарить всех желающих содержимым своей святой чаши. Я слегка похлопал его по согнутому колену и обошел вокруг статуи. Ангел мне не понравился. В воздухе отчетливо ощущался запах пергамента, папируса и разнообразных металлов. Комнату напротив заполняли русские иконы. Они висели

по стенам, и отблески света играли на нимбах над головами печальноких Мадонн и на суровых ликах Христа.

Я прошел в следующую комнату, где увидел великое множество распятий. Я узнал испанский стиль, несколько экземпляров относились, кажется, к итальянскому барокко, а одно распятие было, вероятно, самым древним из всех и представляло собой действительно вещь бесценную. Фигура Христа, страждущего на изъеденном червями кресте, была выполнена с нарушением всех пропорций, однако с поистине ужасающей выразительностью.

Только теперь до меня дошло, что *все* собранные здесь шедевры были на религиозную тему. Все до единого! Однако, если задуматься, такое определение можно дать едва ли не любому произведению искусства, созданному до конца девятнадцатого столетия. Иными словами, искусство по большей части неотделимо от религии.

Квартира была совершенно лишена жизни.

Отвратительно пахло инсектицидами. Конечно, он вынужден пользоваться ими, причем в больших количествах, дабы предохранить старинную деревянную скульптуру. Я не мог уловить ни единого намека на то, что здесь водятся крысы или иные живые существа. Я не слышал и не ощущал чьего-либо присутствия вообще. В квартире этажом ниже было пусто, только из помещения ванной доносились тихие звуки работающего внизу радио.

Жильцы верхних квартир были дома – все пожилые люди. Мне удалось поймать образ прикованного к креслу старика с наушниками на голове, который чуть покачивался в такт эзотерической музыке какого-то немецкого композитора. Возможно, это был Вагнер – знаете, несчастные, обреченные влюбленные, оплакивающие наступление «ненавистного рассвета», или подобная ерунда в том же духе, мрачная и занудная. Впрочем, в данном случае тема вообще не имеет значения. Мой внутренний взор уловил еще один образ – женщина не то шила, не то вязала. Слабое, хилое существо, на которое не стоило даже обращать внимание.

Откровенно говоря, мне не было дела ни до кого из них. В этой квартире я чувствовал себя в полной безопасности, а вскоре здесь появится он, и воздух наполнится восхитительным ароматом его крови. Лишь бы только мне удалось сдержаться и не сломать ему шею раньше, чем я выпью последнюю каплю содержимого его сосудов. Итак, долгожданный момент настал.

Дора ничего не узнает, во всяком случае до своего возвращения домой завтра утром. Да и кому придет в голову, что я оставил здесь труп?

Я прошел в гостиную. Там было относительно чисто. Эта комната служила ему местом отдыха, где он читал, любовался своими сокровищами и тщательно изучал наиболее интересные из них. Обстановку ее отличали удобные, мягкие диваны с множеством подушек и расставленные повсюду – на столах, на полу и даже на картонных коробках – галогенные лампы из черного металла. Вполне современные, яркие и очень легкие при переноске, они напоминали причудливых насекомых. Хрустальные пепельницы были полны окурков – явное свидетельство того, что он больше заботился о безопасности, чем о порядке и чистоте; такое предположение подтверждали и оставленные недопитыми стаканы, ликер на дне которых давно высох и теперь блестел, как застывший лак.

Свет, проникавший сквозь тонкие и довольно грязные шторы на окнах, казался пятнистым и создавал в помещении атмосферу мрачной таинственности.

Но даже и эта комната была заполнена статуями святых: суровый святой Антоний держал на сгибе руки пухленького младенца Христа, а рядом – большая статуя Богоматери с холодным выражением лица, созданная, несомненно, где-то в Латинской Америке. Была там и скульптура из черного гранита, изображающая какое-то ангелоподобное существо. Как ни напрягал я свое вампирское зрение в царящем вокруг полумраке, даже мне не удалось рассмотреть эту скульптуру как следует. Однако мне показалось, что существо больше похоже на демона, каким его представляли в Месопотамии, чем на ангела.

В какой-то момент гранитный монстр заставил меня содрогнуться от ужаса, ибо он напомнил… Нет, не может быть. Наверное, виной всему его крылья. Они заставили меня вспомнить о том существе, которое я видел мельком; о том, которое, как я полагал, преследовало меня повсюду.

Однако никаких шагов я здесь не слышал. Не было и ощущения разрыва окружающей меня материи. Передо мной была обыкновенная гранитная скульптура, хотя и достаточно устрашающего вида, – статуя, вывезенная из какого-нибудь ужасного храма, заполненного изображениями обитателей ада и небес.

На столах лежало множество книг. Да, похоже, он действительно любил книги. Я видел великолепные экземпляры, напечатанные на веленевой бумаге; попадались и очень древние, с пергаментными страницами. Но были среди них и современные издания: книги по философии, религии, мемуары известных людей и военных корреспондентов, книги, рассказывающие о событиях недавнего прошлого, и даже несколько поэтических сборников.

Труды по истории религии Мирчи Элиаде – это, скорее всего, подарок Доры. Рядом с ними лежала совсем новенькая «История Бога», написанная женщиной по имени Карен Армстронг, еще какие-то книги о поиске смысла жизни. Увесистые тома. И забавные – во всяком случае, для таких, как я. Все эти книги он явно читал, ибо от них исходил его запах, его, а не Доры.

Похоже, он проводил здесь гораздо больше времени, чем я предполагал.

Я еще раз внимательно осмотрел все вокруг и принюхался. Да, он приходил сюда очень часто и… с кем-то еще. И этот кто-то здесь умер! Надо же, я не знал. Итак, этот убийца, наркоделец, был влюблен в молодого человека, и отношения между ними были весьма серьезные. Все происходило здесь, в этой берлоге. В голове у меня замелькали обрывки событий, но это не были зрительные образы – скорее нечто более впечатляющее, действовавшее на уровне эмоций, противостоять которым гораздо сложнее. Молодой человек скончался совсем недавно.

Столкнись я со своей жертвой в то время, когда умирал его друг, я бы, наверное, прошел мимо и нашел другой объект для преследования. И все же… Он был таким аппетитным…

Тем временем он уже поднимался по ступенькам внутренней потайной лестницы – шел осторожно, сжав пальцами рукоятку спрятанного под пальто пистолета. Выглядело это весьма банально, прямо как в голливудских фильмах, хотя во многих других отношениях его никак нельзя было назвать человеком предсказуемым. Впрочем, те, кто так или иначе связан с наркобизнесом, в большинстве своем весьма эксцентричны.

Наконец он подошел к двери в квартиру и увидел, что она открыта. Какой всплеск ярости! Я скользнул в тень, спрятавшись в углу как раз напротив величественной гранитной статуи, между двумя покрытыми пылью святыми. Увидеть меня в темной комнате он не мог – для этого ему нужно было включить хотя бы одну из галогенных ламп, да и они освещали лишь небольшое пространство вокруг.

Он стоял, прислушиваясь, пытаясь уловить чужое присутствие, просчитывая в уме возможные варианты. Ему была ненавистна даже мысль о том, что кто-то посмел вторгнуться в его владения. Несмотря на то что он был один, об отступлении не могло быть и речи – он намеревался тщательно обследовать квартиру и готов был на все, вплоть до убийства. Нет, никто не мог знать об этом убежище; скорее всего, сюда пролез какой-нибудь проклятый мелкий воришка, наконец рассудил он и в ярости мысленно обрушил на наглеца целый шквал злобных проклятий.

Вытащив пистолет и держа его наготове, он принялся методично обходить комнату за комнатой – те самые, в которых я только что побывал. Я слышал, как щелкали выключатели, видел, как вспыхнул в прихожей свет.

Откуда у него такая уверенность, что в квартире, кроме него, никого нет? Ведь спрятаться здесь мог, по сути, кто угодно и где угодно. Я-то точно знал, что мы с ним одни. Но он?

На чем было основано его убеждение? Возможно, все дело в той особенности его характера, которая позволяла ему оставаться живым и безнаказанным до сих пор, – в причудливой смеси изобретательности и беспечности?

И вот наконец настал восхитительный момент: он полностью убедился, что действительно один в своем логове.

Только тогда он вошел в гостиную – я отчетливо видел его силуэт на фоне освещенного из прихожей проема двери, в то время как меня, стоящего в густой тени, он заметить никак не мог, – убрал свою девятимиллиметровую пушку в наплечную кобуру и медленно стянул с рук перчатки.

Даже в неярком свете я отчетливо видел каждую деталь его облика, все то, что привлекало и восхищало меня в этом человеке.

У него были мягкие черные волосы, азиатского типа лицо – определить национальность более точно я бы не решился: такие лица можно встретить и у индийцев, и у японцев, и у цыган; он мог оказаться даже итальянцем или греком – хитрые, очень темные, почти черные глаза и удивительно гармоничная фигура. Эта гармония, симметрия и соразмерность всех частей тела была, пожалуй, едва ли не единственной особенностью, которую унаследовала от него Дора. Однако в отличие от светлокожей дочери – должно быть, у матери Доры кожа отливала просто молочной белизной – он обладал кожей цвета жженого сахара.

Внезапно я почувствовал, что он забеспокоился. Повернувшись ко мне спиной, он пристально уставился на какой-то предмет, вызвавший его тревогу. Я тут был явно ни при чем, поскольку ни к чему даже не прикоснулся. Настороженное, взвинченное состояние не позволяло ему логически мыслить и на какое-то время разрушило завесу между моим и его разумом.

Высокий, в длинном пальто и великолепных, ручной работы ботинках с Сэвил-роу, которые пользуются неизменным спросом во всех магазинах мира, он шагнул вперед, в сторону, противоположную той, где прятался я. И только тут из множества образов, роившихся в моей голове, ярко высветился один, и я понял, что предметом, столь встревожившим и смутившим его, была гранитная статуя.

Мне стало ясно, что он понятия не имел ни о том, кого изображает эта скульптура, ни о том, как она попала в его коллекцию. Опасливо озираясь по сторонам, словно боясь, что кто-то все же скрывается рядом, он приблизился к статуе, потом обернулся, еще раз обвел комнату внимательным взглядом и вновь вытащил из кобуры оружие.

Он тщательно перебирал в уме все возможные версии. Был один торговец, которому хватило бы ума притащить сюда это и оставить потом дверь открытой. Однако, прежде чем ехать, он бы непременно позвонил.

Интересно, откуда она? Из Месопотамии? Или из Ассирии? Неожиданно, вопреки всем доводам здравого смысла, он протянул руку и погладил гранитную поверхность. Господи, какая великолепная вещь! Он был просто в восторге и потому вел себя глупо.

Ведь рядом мог оказаться кто-то из его врагов. Но, с другой стороны, с чего бы это гангстеру или федеральному агенту заявляться сюда с такими подарками?

Как бы то ни было, при виде столь совершенного произведения искусства он не испытывал ничего, кроме восхищения. Мне же по-прежнему не удавалось как следует рассмотреть статую. Чтобы лучше видеть, надо было снять очки с фиолетовыми стеклами, однако я не осмеливался даже пошевелиться, ибо мне нравилось видеть его восторг, едва ли не преклонение перед новым шедевром, ощущать его безграничное желание заполучить статую в свою коллекцию. Именно эта неуемная жажда обладания и привлекала меня в нем в первую очередь.

Он уже не мог думать ни о чем другом – только о прекрасно исполненной резьбе, о том, что, судя по определенным признакам, выполнена она не в древние времена, а относительно недавно, скорее всего в семнадцатом веке, что падший ангел изображен с удивительным мастерством и выглядит совсем как живой.

Падший ангел… Мой любитель искусства рассматривал его со всех сторон, ощупывал, гладил по лицу, волосам… разве что не вставал на цыпочки и не целовал камень. Черт побери, но я-то ничего толком не видел! И как он только мирится с такой темнотой! Впрочем, он стоял почти вплотную к статуе, в то время как я маялся футах в двадцати, зажатый между двумя святыми.

Наконец он включил одну из галогенных ламп, внешне напоминавшую охотящегося жука-богомола, и повернул ее тонкую металлическую лапку так, чтобы луч света упал на лицо ангела. Теперь мне отчетливо были видны оба профиля: и статуи, и моей жертвы.

Потрясающе! Этот человек был охвачен истинной страстью и даже иногда тихо вскрикивал от вожделения. Его уже не интересовало, кто принес сюда это чудо, он простил неизвестному посетителю даже незапертую дверь и совершенно не вспоминал о возможной угрозе. Он вновь спрятал пистолет в кобуру, причем сделал это машинально, казалось даже не сознавая, что тот вообще был у него в руках, потом все же поднялся на цыпочки, пытаясь оказаться лицом к лицу с ужасным и устрашающе-грозным ангелом. Оперенные крылья! Не голые, как у рептилии, а оперенные! А лицо… Изображенное в классическом стиле, с четкими линиями и чуть удлиненным носом. И все же в обращенном ко мне в профиль лице присутствовала некая жестокость, я бы даже сказал – свирепость. И почему статуя черная? Быть может, это святой Михаил, в праведном гневе низвергающий демонов в ад? Нет, волосы слишком густые и растрепанные. И потом… доспехи, нагрудник… И только в этот момент я разглядел самую важную деталь: козлиные ноги и копыта! Дьявол!

Я вновь содрогнулся. *Совсем как у того существа, которое я видел!* Нет, глупо даже думать об этом. Кроме того, я не ощущал близкого присутствия моего преследователя. Не было ни головокружения, ни дезориентации. Откровенно говоря, я даже не испытывал страха. Только дрожь в предвкушении ожидавшего меня впереди наслаждения – больше ничего.

Я застыл на месте. «Не спеши, – уговаривал я себя. – Обдумай все как следует. Ты наконец настиг свою жертву, а эта статуя не более чем совпадение, непредвиденная деталь, призванная усилить эмоциональную напряженность ситуации». Он направил свет еще одной лампы на статую. То, как он изучал ее, со стороны выглядело едва ли не эротично. Я не удержался от улыбки. Эротично выглядело и то, как я сам изучал свою будущую жертву – этого сорокасемилетнего мужчину, обладающего поистине юношеским здоровьем и хладнокровием опытного преступника. Напрочь позабыв о подстерегающей повсюду опасности, он сделал пару шагов назад и опять принялся рассматривать свое новое приобретение. Как оно здесь появилось? Кто мог принести сюда эту статую? Он понятия не имел даже о том, сколько она может стоить. Разве что Дора?.. Нет, Доре она бы не понравилась. Дора… Сегодня вечером она разбила ему сердце, отказавшись принять подарок.

Настроение его резко упало. Ему не хотелось вспоминать о Доре и ее отповеди – дочь говорила, что он должен отказаться от своего бизнеса, что она больше не возьмет от него ни цента для своей церкви, что, несмотря ни на что, она любит его и будет страдать, если ему придется предстать перед судом, что она не желает брать этот Плат.

О каком Плате шла речь? Он тогда сказал, что это, конечно, подделка, однако лучшая из всех, какие ему доводилось видеть до сих пор. Плат… И вдруг все встало на свои места. Обрывки подслушанного разговора соединились в моем сознании с недавно промелькнувшей перед глазами деталью: висящим в рамке на дальней стене небольшим фрагментом ткани с изображенным на нем ликом Христа. Плат… Плат Вероники.

Всего лишь час назад он говорил Доре:

– Тринадцатый век! И он действительно прекрасен, поверь! Ради всего святого, Дора, прими его. Ведь если я не могу оставить все эти вещи тебе…

Так вот какой подарок хотел он преподнести дочери! Лик Христа!

– Я больше ничего не возьму у тебя, папа, я же говорила. Я не хочу…

Но он настаивал, мотивируя свою просьбу тем, что в будущем она сможет выставлять его новый подарок на обозрение публики – равно как и все прочие сокровища – и таким образом зарабатывать неплохие деньги для церкви.

Дора в ответ лишь расплакалась. Да, именно так все происходило в отеле, в то время как мы с Дэвидом сидели в двух шагах от них, в баре.

– А если, предположим, эти ублюдки действительно заловят меня на чем-нибудь и предъявят обвинение, которое я не смогу опровергнуть… Ты хочешь сказать, что и тогда не возьмешь эти вещи? Ты допустишь, чтобы они достались совершенно чужим людям?

– Они ворованные, папа! – сквозь слезы твердила Дора. – Они ворованные! Все эти сокровища грязные!

Он действительно не понимал свою дочь. Сам он был вором едва ли не с младенческого возраста. Ему вспомнился Новый Орлеан. Пансион… Причудливое смешение нищеты и элегантности. Вечно пьяная мать… Старый Капитан, управляющий в антикварном магазине… Перед его мысленным взором проносились видения прошлого. Он, моя нынешняя жертва, а тогда еще мальчишка, каждый день перед школой приносил Старому Капитану, занимавшему передние комнаты в доме, поднос с завтраком. Пансион… служба… элегантные старики… Сент-Чарльз-авеню… Времена, когда мужчины по вечерам проводили досуг на террасах, а рядом с ними сидели пожилые леди в шляпах… И дневной свет, который мне никогда больше не суждено увидеть…

Прекрасные воспоминания… Нет, Доре эта статуя определенно не понравилась бы. Более того, он и сам уже не был уверен, что хотел бы иметь ее у себя в коллекции. У него давно сформировались некоторые стандарты и представления, которые зачастую трудно было объяснить посторонним. Мысленно, словно беседуя с торговцем, он уже выдвигал аргументы, оправдывающие его нежелание приобрести этот шедевр: «Статуя восхитительна, не спорю… Однако она чересчур барочна, я бы сказал, и лишена того элемента… как бы это выразиться… искажения, что ли, который я очень ценю».

Я улыбнулся. Мне нравился образ мыслей этого человека. А еще больше мне нравился запах его крови. Я глубоко вдохнул, и ее аромат пронзил меня насквозь, мгновенно превратив в хищника. «Не спеши, Лестат, – приказал я себе. – Ты ждал этого момента несколько месяцев. Не торопи события». Он тоже чудовище. Он стрелял в головы людей, он безжалостно убивал их ножом. Однажды он хладнокровно застрелил не только своего врага – владельца маленькой бакалейной лавки, но и его жену. Женщина просто оказалась на его пути. А потом спокойно вышел на улицу. Это случилось в Нью-Йорке, давно, еще до того, как он стал вести дела в Майами и Южной Америке. Тем не менее он помнил об этом случае, и потому я тоже знаю о нем.

Он вообще часто вспоминал о совершенных в прошлом убийствах – а их было немало, – и, естественно, о них известно и мне.

Он внимательно рассматривал ноги ангела – или демона, или дьявола, как вам будет угодно, – и копыта, которыми они заканчивались. А мне вдруг показалось, что крылья этого существа едва ли не упираются в потолок, и меня вновь чуть не пробрала дрожь. Однако я сдержался и успокоил себя тем, что стою на твердой земле и что ничего сверхъестественного не происходит.

Тем временем он успел снять пальто, под которым не было пиджака – только рубашка. Нет, это уже слишком! В распахнутом вороте рубашки я отчетливо видел его великолепную шею и то восхитительное место на ней, чуть ниже мочки уха, которое служит для многих одним из мерил мужской красоты.

Черт побери, не я это придумал! Всем известно, какое значение придается пропорциям шеи у мужчин. Мне нравился он весь, целиком, но больше всего, конечно, я ценил его ум и интеллект. Черт с ней, с азиатской красотой и тому подобными глупостями, и даже с его

тщеславием, которое явно бросалось в глаза. Разум – вот что важно; разум, который был сейчас сосредоточен только на одном – на статуе, заставившей мою жертву на время забыть даже о Доре.

Он протянул руку к еще одной галогенной лампе и, не обращая внимания на то, что металл почти раскален, повернул ее так, чтобы луч был направлен прямо на то крыло демона, что располагалось ближе ко мне. Это позволило мне увидеть то, о чем он в тот момент размышлял, и полностью согласиться с ним, ибо крыло было действительно совершенно и выполнено со свойственной стилю барокко любовью к каждой детали. Нет. Он не коллекционирует такие вещи. Он отдает предпочтение гротеску, а эта статуя лишь случайно выглядит таковой. Господи, она действительно ужасна! Нечто в стиле Уильяма Блейка: огромная грива волос, злобное выражение лица, большие круглые глаза. И эти глаза, казалось, с ненавистью устремлены прямо на мою жертву.

– Блейк. Да, Блейк! – неожиданно воскликнул он и обернулся. – Блейк! Эта проклятая статуя как будто сошла с одного из рисунков Блейка!

Я вдруг понял, что он смотрит прямо на меня. Я, должно быть, неосторожно направил ему свое мысленное послание – и связь осуществилась! К моему великому удивлению, между нами установился контакт. Он видел меня! Возможно, он уловил отблеск света в стеклах моих очков или сияние волос.

Держа руки опущенными, я медленно выступил из тени. Меньше всего мне хотелось, чтобы он выхватил свой пистолет. Но он и не думал это делать. Он просто смотрел на меня. Быть может, его слепил яркий свет стоявших совсем близко галогенных ламп, в лучах которых на потолке четко вырисовывалась тень крыла. Я подошел ближе.

Он не произнес ни слова. Он был испуган. Точнее, я бы сказал, встревожен. Нет, все же более чем встревожен. Вероятно, он чувствовал, что эта встреча может стать последней в его жизни. Кому-то все-таки удалось до него добраться. И уже слишком поздно хвататься за оружие или пытаться сделать что-то еще. Тем не менее страха передо мной я в нем не ощущал.

Будь я проклят, если он в первый же миг не понял, что перед ним не человеческое существо.

Быстро преодолев разделявшее нас расстояние, я взял в ладони его лицо. Он сразу же задрожал и покрылся потом, однако мгновенным движением руки сдернул с меня очки, которые тут же упали на пол.

– О, как восхитительно оказаться наконец рядом с тобой! – прошептал я.

Он был не в силах выдавить из себя хоть слово. Ни один смертный, попав в мои объятия, не мог – да и не должен был – произнести ничего, кроме молитв. А этот человек не умел молиться. Чувствуя, как крепко держат его лицо ледяные руки, и не смея пошевелиться, он взглянул мне прямо в глаза и долго всматривался в них, пока наконец не понял, кто перед ним стоит… Не человек!

Меня поразила его реакция. Конечно, мне и раньше приходилось попадать в аналогичные ситуации – меня, точнее то, чем я, по сути, являюсь, узнавали во многих местах по всему миру. Однако такое узнавание всегда сопровождалось молитвами, утратой способности разумно мыслить или иным издревле присущим человеку поведением в подобных обстоятельствах. Даже в старой доброй Европе, где верили в существование носферату, люди успевали выкрикнуть хотя бы несколько слов молитвы, прежде чем я вонзал в них зубы.

Но как, скажите, следует расценить вот это? Что означает его пристальный взгляд и напускная смелость закоренелого преступника?

– Хочешь умереть так же, как и жил? – шепотом спросил я.

Мысль о Доре словно вдохнула в него новые силы и заставила действовать Он яростно вцепился в мои руки, мертвой хваткой державшие его за лицо, однако, почувствовав их поис-

тине каменную крепость, попытался действовать по-другому: принялся извиваться и конвульсивно дергаться, стараясь выскользнуть из моих ладоней. Бесполезно. Он зашипел от бессилия.

Меня вдруг охватила необъяснимая жалость к этому человеку. Я решил, что должен проявить милосердие и перестать мучить его столь жестоко. В конце концов, он так много знает и понимает. «Ты наблюдал за ним в течение стольких месяцев, – уговаривал я себя, – и теперь не должен затягивать развязку. Но, с другой стороны, где и когда тебе представится возможность отыскать еще одну такую жертву?»

Итак, голод одержал победу над тягой к справедливости. Я обхватил ладонью его затылок, прижался лбом к шее, позволив ему почувствовать прикосновение и ощутить запах моих волос. Услышав, как он судорожно втянул в себя воздух, я начал пить…

Он мой! Вместе со струей крови в меня потоком полились видения. Вот он вместе со Старым Капитаном в одной из передних комнат дома… За окном с шумом проносятся машины… Я слышу его слова, обращенные к Старому Капитану: «Если вы еще раз покажете его мне или заставите его трогать, я никогда больше и близко к вам не подойду…» И Старый Капитан клянется, что ничего подобного не повторится. Старый Капитан водит его в кино, а потом обедать в ресторан «Монтелеоне»; они вместе летят в Атланту… И Старый Капитан снова и снова обещает, что не станет так больше делать: «Ты только позволь мне быть рядом с тобой, сынок, только быть рядом… Я клянусь… Я никогда…» Мать, как всегда пьяная, появляется в дверях, на ходу расчесывая волосы… «Мне известно, чем вы там с ним занимаетесь… Я все знаю о ваших играх со стариком… все знаю… Ведь это он купил тебе эту одежду? Думаешь, я не понимаю?..» А вот Терри с дыркой от пули прямо посередине лица… Молодая женщина со светлыми волосами как-то неловко, боком, падает на пол. Это уже пятое убийство, и жертвой его должна стать ты, Терри, именно ты… Они с Дорой в автофургоне… И Дора знает. Ей было всего шесть лет, но она знала. Она знала, что он застрелил ее мать, Терри. *Но они никогда и словом не обмолвились между собой об этом!* Тело Терри лежит в пластиковом мешке. Господи, как ужасен этот пластиковый мешок! И его голос: «Мамочка умерла…» Дора не задала ни единого вопроса. В свои шесть лет она уже все понимала. Терри кричит: «Ты что, сукин сын, хочешь отнять у меня дочь? Думаешь, у тебя получится? Надеешься лишить меня ребенка? Я сегодня же уезжаю с Джейком и дочь едет вместе со мной». Выстрел. Женщина мертва. «Все кончено, радость моя. Я больше не в силах тебя терпеть…» Бесформенная куча на полу… Безвкусно одетая, вульгарная, но при этом очень симпатичная молодая женщина с овальной формы ногтями, покрытыми бледно-розовым лаком, с накрашенными, всегда такими свежими губками и соломенного цвета волосами… Ярко-розовые шорты, стройные бедра…

Они с Дорой едут всю ночь… ни словом не упоминая о происшедшем…

«Что ты со мной делаешь? Ты же убиваешь меня! Ты отбираешь у меня кровь, но не душу! Ты вор, ты… Ради Бога, в чем…»

– Ты разговариваешь со мной? – Я отпрянул от него, кровь еще текла по губам. Господи, да он и вправду говорил со мной! Я вновь вонзил в него зубы и на этот раз все же сломал ему шею.

Однако он не замолчал.

«Да, я к тебе обращаюсь! Кто ты такой? Почему? Почему ты пьешь мою кровь? Скажи! Будь ты проклят! Проклят!»

Я переломал все кости в его руках, вывернул плечевые суставы. Мне нужна была вся его кровь, вся, до капли. Я буквально вылизал языком его раны. «Дай мне… дай мне… дай мне…» – мысленно твердил я.

«Но как? Как тебя зовут? Бога ради! Кто ты?»

Он умер. Я уронил его на пол и отступил назад. Он со мной говорил! Говорил в самый момент убийства! И он осмелился спрашивать меня, кто я? Испортить мне все удовольствие?

– О, ты не перестаешь преподносить мне сюрпризы, – прошептал я, стараясь прийти в себя и собраться с мыслями.

Кровь заполнила сосуды и согрела меня. Я не спешил проглотить последние оставшиеся во рту капли. Мне хотелось поднять его с пола, вскрыть вены на запястьях и высосать то, что еще, возможно, осталось, но это было бы так отвратительно, да и, по правде говоря, у меня не было никакого желания прикасаться к нему еще раз. Сглотнув, я провел языком по зубам, стараясь ощутить послевкусие… Он и Дора в фургоне… Ей всего шесть лет, а мамочка умерла от выстрела в голову… Они с папочкой теперь всегда будут вместе…

«Это было пятое убийство, – услышал я вдруг его голос. – *Кто ты такой?»*

– Ты опять говоришь со мной, ублюдок?

Я опустил на него взгляд. О-о-о, как чудесно! Кровь наконец достигла самых кончиков пальцев на руках и теперь растекалась по сосудам ног. Я закрыл глаза. Ради этого я и живу – ради этого вкуса, ради этого ощущения… И вдруг мне на память пришли слова, сказанные им Доре тогда, в баре: «Я готов душу продать за такие уголки, как этот».

– Черт возьми, да сдохни же ты наконец! – воскликнул я. Мне хотелось, чтобы его горячая кровь как можно дольше пульсировала в моих венах, но сам он был мне больше не нужен. К дьяволу! Для романа между вампиром и смертным шести месяцев более чем достаточно. Я взглянул наверх…

Черное существо вовсе не было статуей! Оно было живым! И оно пристально смотрело на меня. Скульптура ожила, она дышала и с выражением мрачной ярости на черном сияющем лице сверлила меня взглядом.

– Нет, этого не может быть! – вырвалось у меня. – *Не может быть!*

Я изо всех сил старался взять себя в руки и обрести то состояние спокойного хладнокровия, которое всегда охватывает меня в минуты серьезной опасности.

Я пихнул мертвое тело на полу, только чтобы удостовериться в том, что по-прежнему нахожусь в той же комнате и не сошел с ума, одновременно с ужасом ожидая уже знакомого ощущения полной дезориентации в пространстве. Однако ничего подобного не произошло.

Тогда я закричал – нет, скорее завизжал, совсем по-детски.

И выбежал из комнаты.

Я промчался через прихожую, распахнул дверь и выскочил на улицу, в спасительную ночь.

Взлетев вверх, я пронесся над крышами и в полном изнеможении буквально рухнул на брусчатку в каком-то узком переулке. Нет, это просто не может быть правдой! Скорее всего, видение было последним посланием моей жертвы, своего рода сладким актом возмездия, весточкой с того света. Это он сделал так, что статуя – это ужасное черное существо с крыльями и козлиными ногами – выглядела как живая…

– Да, именно так, – вслух произнес я, вытирая губы и оглядываясь. Я лежал на грязном снегу. По переулку шли смертные. Они не желали, чтобы их кто-то беспокоил. А я и не собирался это делать. – Его месть. – Я еще раз вытер губы и шепотом продолжил: – За все, что он любил, за его страсть к сокровищам, собранным в той квартире. И он обратил ее против меня. Он понял. Он догадался, кто я. Он знал, как…

К тому же существо, которое следило за мной, никогда не выглядело таким спокойным, невозмутимым, я бы даже сказал – задумчивым. Напротив, оно постоянно колебалось, клубилось, словно густой туман. И потом, эти голоса… Конечно же, там, в квартире, стояла самая обыкновенная статуя.

Я вскочил на ноги, злясь на самого себя за позорное бегство, за то, что упустил возможность насладиться последними деталями ритуала убийства. Я был достаточно разъярен, чтобы немедленно вернуться обратно в квартиру и вновь пнуть лежащее на полу тело, а заодно и

статую, которая, конечно же, опять превратилась в кусок гранита, едва лишь сознание окончательно покинуло мертвый разум моей жертвы.

Переломанные руки, плечи… Словно окровавленное месиво, в которое я превратил его тело, вдохнуло жизнь в это существо и призвало его на помощь.

А Дора… Дора непременно узнает обо всем этом – о переломанных костях, о свернутой шее…

Я вышел на Пятую авеню. И подставил лицо ветру.

Поглубже засунув руки в карманы своего шерстяного блейзера, который в такой снегопад, конечно же, выглядел слишком легким и весьма неподходящим нарядом, я побрел дальше. «Ладно, черт бы тебя побрал, – мысленно обратился я к нему, – ты догадался, понял, кто я, и на несколько мгновений сумел заставить статую выглядеть, словно она живая».

Я замер на месте и устремил взгляд на другую сторону улицы – туда, где темнели на фоне снега деревья Центрального парка.

«А если эти события все же *связаны* между собой, – теперь я разговаривал уже не со своей жертвой и не со статуей, а со своим преследователем, – приди и забери меня». Я больше не желал трястись от страха – наверное, я совсем потерял голову.

А где сейчас Дэвид? Скорее всего, охотится. Охотится… Как он любил это делать в джунглях Индии в те времена, когда был еще смертным. А я навсегда превратил его в охотника на братьев по разуму.

И тогда я принял решение.

Я намеревался немедленно вернуться в квартиру и собственными глазами убедиться в том, что статуя – это статуя, и не более. А затем мне предстояло сделать то, что я обязан был сделать ради Доры: избавиться от трупа ее отца.

Мне достаточно было нескольких минут, чтобы оказаться возле нужного дома, подняться по темной лестнице и вновь войти в уже знакомую прихожую. Я не желал больше мириться с собственным страхом – он раздражал меня, заставлял чувствовать себя униженным и приводил в ярость. Но в то же время, в очередной раз столкнувшись с чем-то неведомым, я испытывал небывалое возбуждение и любопытство.

В квартире явственно ощущался запах крови и мертвечины.

Больше я ничего не чувствовал и не слышал ни единого звука. Я прошел в небольшое помещение, когда-то служившее кухней. Здесь до сих пор остались кое-какие предметы хозяйственного обихода, которыми, похоже, не пользовались со времени смерти возлюбленного моей жертвы. Ага, вот они! За сточной трубой я нашел то, что искал: коробку с зелеными пластиковыми мешками для мусора, как раз подходящими для того, чтобы упаковать останки.

Мне почему-то вдруг вспомнилось, что именно в такой мешок он затолкал и тело своей убитой жены – Терри. Я отчетливо видел это, когда пил его кровь. Ладно, к черту, сейчас не до этого. Он просто подсказал мне выход из положения.

Порывшись в кухонных принадлежностях и столовых приборах, я не нашел ничего подходящего для предстоящей хирургической операции, поэтому просто выбрал самый большой нож с лезвием из углеродистой стали и вернулся в комнату. Все мои действия были нарочито решительными, я не позволял себе ни на секунду замешкаться или проявить хоть малейшие колебания. Смело войдя в гостиную, я обернулся и в упор посмотрел на гигантскую скульптуру.

Лучи галогенных ламп все так же были направлены в ее сторону. А вокруг царила тьма.

Обыкновенная статуя. Ангел с козлиными ногами.

«Лестат, ты полный идиот!»

Я подошел ближе и в который уже раз принялся рассматривать детали. Возможно, это не семнадцатый век. Да, работа явно ручная, но если обратить внимание на некоторые особенности, то можно предположить, что скульптура создана гораздо позднее. А надменное и мрачное выражение лица действительно заставляет вспомнить работы Уильяма Блейка – это злобное

и порочное существо с козлиными ногами во многом сродни как святым, так и грешникам Блейка с их невинными и в то же время исполненными ярости глазами.

Неожиданно мне отчаянно захотелось взять эту скульптуру на память, увезти ее в Новый Орлеан и поставить в своей комнате. Я готов был буквально распластаться в страхе у ног этого холодно-безразличного, мрачного создания. И только теперь до меня дошло, что, если я действительно не поспешу принять определенные меры, все эти сокровища будут безвозвратно утеряны. Как только станет известно о смерти их владельца, они будут немедленно конфискованы и произойдет то, чего он больше всего опасался и о чем предупреждал Дору во время их последней встречи: самое ценное его имущество, его главное достояние перейдет в чужие, равнодушные руки.

Тогда она в ответ лишь повернулась к нему спиной и, согнув худенькие плечи, заплакала – несчастная, охваченная горем и ужасом девочка, лишенная возможности дать утешение человеку, которого любила больше всех на свете.

Я взглянул на распростертое на полу искалеченное тело. Его еще не успел коснуться тлен, и выглядело оно так, будто человек попал в жуткую аварию или стал жертвой жестокого и безжалостного убийцы. Спутанные черные волосы, полуоткрытые глаза… На белой рубашке алели пятна крови – несколько оставшихся капель вытекли из открытых ран. Торс был неестественно вывернут по отношению к ногам, поскольку я сломал ему не только шею, но и позвоночник.

Что ж, я вытащу труп отсюда и избавлюсь от него. Я позабочусь о том, чтобы о его смерти еще очень долго никто не узнал. И тогда следователи не станут докучать Доре. Я избавлю ее от горя и отчаяния, а тем временем подумаю, как сохранить для нее все эти сокровища. Быть может, спрячу их пока в надежном месте.

Я достал из его кармана документы. Сплошь фальшивки. Кто бы сомневался.

Его настоящее имя было Роджер. Я знал это с самого начала. Но так его называла только Дора. Все свои сделки он проводил под вымышленными именами, зачастую весьма экзотическими, иногда даже с неким средневековым звучанием. Этот паспорт был выписан на имя Фредерика Винкена. Забавное имечко. Фредерик Винкен…

Собрав все документы, я сунул их в карман, чтобы впоследствии уничтожить без следа.

Пришло время поработать ножом. Я отрезал его руки до локтей, поразившись при этом их изяществу и обратив внимание на тщательно ухоженные ногти. Да, этот человек себя очень любил и, надо сказать, имел на то основания. Так, теперь голова… Мне понадобилась недюжинная сила, чтобы отсечь ее, причем я старался резать только сухожилия и мелкие кости, не касаясь самого черепа. Глаза закрывать я не стал. Во взгляде мертвеца нет ничего завораживающего, он совершенно лишен какой-либо выразительности. Безжизненные губы казались мягкими, а кожа на щеках разгладилась. Отрезанные части – голову и руки – я положил в два разных мешка, затем, как мог, затолкал в третий мешок то, что осталось.

Ковер на полу был тоже забрызган кровью. Плохо, очень плохо, тем более что ковры лежали здесь в несколько слоев – обычное дело для хранилища раритетов. Ладно, главное – убрать тело. Не будет тела – не будет и трупного запаха, который может привлечь внимание соседей. А если тело исчезнет, то никто никогда не узнает, что произошло с этим человеком на самом деле. Так будет лучше в первую очередь для Доры: пребывать в неведении, пусть даже мучиться неизвестностью все же предпочтительнее, чем увидеть сделанные крупным планом фотографии того кошмара, который я здесь сотворил.

Напоследок я еще раз обвел взглядом невозмутимо-мрачного ангела – или дьявола, или кем он мог быть еще, – пышную гриву его волос, красиво очерченные губы и огромные глаза. Потом, взвалив на плечо все три мешка, словно рождественский Санта-Клаус, я вышел из квартиры, чтобы избавиться от тела Роджера.

Это оказалось делом несложным и заняло у меня всего около часа, предоставив тем самым время для размышлений.

Я медленно брел по темным, пустым, заснеженным улицам городских окраин в поисках куч строительных отходов, мусорных свалок и тому подобных малопривлекательных уголков, куда редко кто рискует заглядывать и расчищать которые в ближайшее время явно никто не станет.

Мешок с руками я зарыл в огромную кучу всякого хлама, наваленного под путепроводом одной из скоростных автострад. Неподалеку от того места я заметил нескольких смертных. Завернувшись в одеяла, они сидели возле огня, разожженного в небольшом жестяном ящике, и не обращали на меня ни малейшего внимания. Я постарался запихать мешок как можно глубже, чтобы он никому не попался на глаза и не вызвал соблазна в него заглянуть. Закончив работу, я подошел к собравшейся вокруг огня компании – никто из них на меня даже не посмотрел – и бросил на землю несколько купюр. Ветер едва не подхватил легкие бумажки, однако в свете костра мгновенно мелькнула чья-то рука, и купюры растворились во тьме.

– Спасибо, брат.

– Аминь, – откликнулся я.

Голову постигла примерно та же участь, но уже в другом месте, довольно далеко от того, где остались руки, – на задворках одного из ресторанов. Я утопил ее в грязной вонючей жиже кухонных отбросов и даже не взглянул напоследок. Мне не терпелось избавиться от этого трофея. Нет, человеческую голову нельзя назвать трофеем, и я бы ни за что не стал хранить ее в таком качестве. Даже мысль об этом казалась мне неприемлемой. Если какой-нибудь умирающий от голода несчастный и наткнется на нее, он никому не скажет о находке. Кстати, ресторан закрылся несколько часов назад, и кучка голодающих уже топталась возле задних дверей в ожидании своей порции помидоров, салата, спагетти и хлебных корок. А отбросы постепенно замерзали, и ледяные сгустки хрустели под моими руками, пока я заталкивал голову в самую сердцевину отвратительного месива.

С последним мешком на плече я направился назад к центру города. Осталось найти укромное местечко для изломанного торса с ногами и предплечьями. Я шел по Пятой авеню, мимо отеля, где спала Дора, мимо собора Святого Патрика, мимо шикарных магазинов. Смертные спешили по своим делам, скрывались то за одной, то за другой дверью; таксисты бешено сигналили, злясь на водителей медлительных, неповоротливых лимузинов.

Я шел все дальше и дальше, шлепая по грязи и проклиная самого себя. Меня раздражал исходивший из мешка запах. Однако пиршество было поистине восхитительным и стоило того, чтобы я потрудился, уничтожая его следы.

Мои бессмертные соплеменники – Мариус, Арман и все остальные друзья, любовники и враги – всегда ругали меня за нежелание «избавляться от останков». Что ж, на этот раз Лестат будет примерным вампиром и как следует приберет за собой.

Неподалеку от Виллидж я наконец отыскал подходящее место: огромный склад, судя по разбитым окнам и громадной куче хлама внутри – давно заброшенный. В воздухе витал запах гниющей плоти. Похоже, человек умер здесь довольно давно, однако холод замедлял процесс разложения и не позволял вони распространиться за пределы помещения склада. Хотя, возможно, все дело было в равнодушии проходивших мимо людей.

Я прошел вглубь похожего на пещеру помещения. В нос ударили другие запахи – бензина, металла, кирпича… Прямо посередине возвышалось нечто напоминающее погребальный холм или пирамиду, а рядом стоял грузовик. Мотор был еще теплым, хотя поблизости я не увидел ни души.

Трупная вонь исходила именно от этой кучи, причем вскоре я понял, что мертвецов в ней зарыто как минимум трое, а может, и больше. Мне не терпелось поскорее убраться подальше от отвратительного могильника, а потому я не собирался вдаваться в подробности.

«Прекрасно, друг мой, покойся с миром на этом кладбище», – мысленно попрощался я со своей жертвой, зарывая мешок в самую глубину скопища битых бутылок, раздавленных жестя-

ных банок, гниющих фруктов, обрывков картона и тряпок, обломков дерева и тому подобного хлама. Я едва не развалил эту гору, но, пару раз дрогнув, она все же устояла и вскоре приняла прежние очертания. Только одна пивная бутылка скатилась вниз и теперь поблескивала стеклянным боком чуть в стороне от величественного погребального сооружения. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только писком и шорохом копошащихся где-то по сторонам крыс.

Я внимательно осмотрел грузовик. Сильно потрепанный, без регистрационных номеров, он все еще сохранял внутри запах недавно сидевших там смертных. Ну какое мне дело, зачем они сюда приезжали и чем занимались? А въехали они сюда через огромные железные ворота и тем же путем, но только пешком покинули склад, не обратив внимания на возвышавшийся посередине кладбищенский холм. Хотя, возможно, холм они все же заметили и даже внесли туда свою лепту.

Я вышел наружу. Снегопад прекратился. Вокруг было пусто и уныло. На большом плоском камне лежал голый матрац, припорошенный снегом. Уличное освещение не работало. Я даже не мог сказать толком, где нахожусь.

Я направился в сторону реки, к оконечности острова, и вдруг наткнулся на церковь – одну из тех старинных церквушек, что уцелели на Манхэттене с незапамятных времен и рядом с которыми всегда можно найти маленькое кладбище за невысокой оградой и прочесть на его могильных плитах цифры, вызывающие в душе поистине благоговейный трепет: год 1704-й, а иногда даже – 1692-й.

Это был настоящий шедевр готической архитектуры, маленький аналог собора Святого Патрика, возможно даже более изысканный и замысловатый в деталях, жемчужина, сияющая на фоне серого и неприглядного пейзажа большого города.

Я присел на ступени церкви и прислонился спиной к стене. Великолепная резьба, сохранившаяся на полуразрушенных арках, не могла не вызвать моего восхищения, а кроме того, под защитой освященных камней я чувствовал себя гораздо увереннее.

Я был убежден, что моего преследователя поблизости нет, я не слышал его шагов и не ощущал никаких сигналов из иной реальности – похоже, мой сегодняшний поступок не спровоцировал ничего подобного. Еще я был уверен в том, что статуя вовсе не оживала, и раз в моем кармане лежат документы Роджера, то пройдут недели, если не месяцы, прежде чем Дора обратит внимание на долгое отсутствие отца, однако истинная причина исчезновения навсегда останется для нее тайной.

Все, хватит об этом. Приключение осталось в прошлом. Я чувствовал себя лучше, гораздо лучше, чем во время беседы с Дэвидом. И правильно сделал, что все-таки вернулся обратно в квартиру и еще раз взглянул на ужасную статую из черного гранита.

Оставалась только одна проблема: мне казалось, что я буквально пропитан запахом Роджера. Роджер… До определенного момента он оставался для меня безымянным – «жертвой», не более. Однако теперь я называл его Роджером. Это что: свидетельство пробудившейся любви к нему? Роджер… Так его называла Дора, а еще – папочкой, Роже, просто отцом… «Дорогая, это Роже, – говорил он, звоня ей из Стамбула. – Ты можешь приехать во Флориду? Всего на несколько дней. Мне нужно поговорить с тобой…»

Я вытащил фальшивый паспорт. Ветер был обжигающе холодным, снег больше не падал, а тот, что лежал на земле, постепенно превращался в твердую корку. Ни один смертный не стал бы сейчас сидеть вот так, в узком пустом проеме церковной двери, но мне здесь нравилось.

Я принялся изучать его документы. Бумаг было несколько, и все поддельные, смысл и содержание некоторых я даже не понял. Египетская виза. Конечно, оттуда он тоже возил контрабанду. Винкен… Фамилия вызвала у меня улыбку – еще бы: слыша ее, смеются даже маленькие дети. Винкен, Блинкен и Нод… Это же из детских стишков, если не ошибаюсь.

Я разорвал документы на мелкие кусочки, порыв ветра тут же подхватил их с моей ладони, и они закружились над могильными камнями маленького церковного кладбища, а

потом медленно осели на землю. Словно пепел. Я как будто выполнил последний долг: кремировал его личность и развеял прах по ветру…

Меня одолевала усталость. Кровь переполняла сосуды. Вполне удовлетворенный содеянным, я сожалел о своем прежнем глупом поведении и стыдился страха, который испытывал при разговоре с Дэвидом. Он наверняка решил, что я свихнулся. Но что удалось мне выяснить? Только то, что существо, которое следило за мной, не имело намерения защитить Роджера, помешать мне сделать его своей жертвой; точнее, оно вообще не имело отношения к Роджеру. Но разве я не знал этого прежде? И разве я мог быть уверен, что оно исчезло навсегда?

Пока можно было сделать лишь один вывод: это существо само выбирало момент появления – вне всякой зависимости от моих поступков.

Какая все же очаровательная церквушка. Нарядная, изысканно украшенная, она представляла собой бесценное произведение архитектуры и совершенно не сочеталась с окружающей застройкой Нижнего Манхэттена. Впрочем, говорить о какой-либо сочетаемости в городе, где перемешались все стили, где готика тесно соседствует с модерном, а древность – с ультрасовременностью, давно уже не приходится. Я прочел надпись на ближайшем указателе: Уолл-стрит.

Неужели я оказался в самом начале Уолл-стрит? Я вновь прислонился спиной к холодному камню и закрыл глаза. Завтра вечером мы встретимся с Дэвидом и все обсудим. А Дора? Неужели она спит сейчас ангельским сном в номере отеля напротив собора? Позволю ли я себе тайно взглянуть на нее в последний раз? Имею ли я право на этот прощальный и совершенно безобидный взгляд, прежде чем окончательно оставлю в прошлом сегодняшнее приключение? Нет, это уже лишнее.

Мне следует навсегда выбросить из головы мысли и воспоминания об этой девушке, забыть о тоненькой фигурке с фонариком в руках, идущей по огромным темным коридорам пустого монастыря в Новом Орлеане. Храбрая маленькая Дора… Она совсем не похожа на последнюю смертную женщину, которую я любил… «Нет, хватит, Лестат! – приказал я себе. – Забудь об этом! Слышишь, Лестат, забудь!»

Если задуматься и начать размышлять всерьез – о смысле жизни, о среде обитания и, так сказать, о личности как таковой, то понимаешь, что мир полон потенциальных жертв. Возможно, я вернусь в Майами – если, конечно, удастся уговорить Дэвида поехать вместе со мной. Завтра вечером мы с Дэвидом непременно об этом поговорим.

Конечно, он мог обидеться на меня за то, что я послал его искать убежище в Олимпийской башне, и теперь готов был уехать к себе, в Новый Орлеан. Но, может быть, он туда все же не поедет?

Если я сейчас услышу шаги своего преследователя или почувствую его присутствие поблизости, то завтра непременно вновь буду дрожать в объятиях Дэвида. Этому существу все равно, где я нахожусь и куда направляюсь. И я его не выдумал – мой преследователь действительно существует!

Черные крылья… ощущение сгущающейся тьмы… клубящийся туман… и – свет… Нет, хватит, я не стану сосредоточиваться на этом. Слишком много мрачных размышлений для одной ночи.

Когда еще на моем пути встретится смертный, подобный Роджеру? Когда еще мне доведется встретить такую же яркую личность? И как только этот сукин сын ухитрился разговаривать со мной во время убийства? Как он осмелился обращаться *ко мне* в момент наивысшего восторга? А как ему, черт возьми, удалось заставить меня поверить в то, что статуя ожила? Что это было? Какие-то слабые телепатические импульсы? Я покачал головой. Неужели я сам спровоцировал это? Быть может, сделал что-то не так?

Что, если я за месяцы преследования успел полюбить его и, отнимая жизнь, первым заговорил с ним? Не было ли это своего рода моим объяснением в любви? Нет. Я просто с наслаждением пил кровь, по каплям вбирал его в себя. И теперь Роджер во мне.

Из темноты медленно вынырнула какая-то машина и остановилась возле меня. Сидевшие в ней люди поинтересовались, не нужна ли мне помощь. Я мотнул головой, повернулся и побежал прочь. Перепрыгивая с могилы на могилу, огибая каменные надгробия, я так быстро промчался через кладбище в сторону Виллидж, что смертные, по-моему, даже не успели уловить мои движения.

Представить только! Они видят сидящего на холодных ступенях старинной маленькой церкви молодого блондина в двубортном темно-синем блейзере и ярком галстуке, и вдруг… И вдруг он исчезает, словно растворяется в воздухе! Я громко рассмеялся и с удовольствием прислушался к звукам собственного смеха, которые взлетали вверх, отражаясь от кирпичных стен. Теперь мимо меня шли люди, неподалеку играла музыка, воздух наполняли запахи кухни. Я видел повсюду юных, пышущих здоровьем смертных, которые даже в холодный зимний вечер находили повод к веселью.

А вот меня холод начинал уже раздражать. Надо же – быть таким чувствительным к нему, как будто я по-прежнему живой человек! Мне захотелось куда-нибудь зайти.

Глава 3

Пройдя всего несколько шагов, я увидел вращающуюся дверь, а за ней – холл какого-то заведения. Наверное, ресторан, подумал я и уже через мгновение обнаружил себя сидящим в баре. Как раз то, что надо: почти пустой зал, темный и теплый, полукруглая стойка, за которой поблескивают бутылки… Из-за двери в основной зал, распахнутой настежь, доносился приглушенный гул голосов.

Я зацепился каблуками за подножку табурета и оперся локтями на стойку, прислушиваясь к разговорам смертных, пустой болтовне ни о чем. Те, кто был в баре, несли какую-то не стоящую внимания чепуху. Меня все еще трясло от холода. Черт! Я потерял свои очки с фиолетовыми стеклами! Хорошо, что в помещении так темно. Тем не менее я на всякий случай опустил голову. Интересно, куда я все же попал? В какой-то клуб? А какая разница? Главное, что здесь так уютно и спокойно.

– Хотите что-нибудь выпить, сэр? – раздался возле меня лениво-высокомерный голос бармена.

Я заказал минеральную воду. Как только бармен поставил передо мной стакан, я сполоснул в нем пальцы. Он уже отошел и потому ничего не заметил, хотя ему вообще было на все наплевать, и даже если бы я сейчас стал крестить этой водой младенцев, он и тогда, наверное, никак бы не отреагировал. Остальные посетители сидели за столиками, растворившись во мраке. В одном из дальних углов плакала женщина. Довольно резкий мужской голос уговаривал ее замолчать и не привлекать к себе внимание. Впрочем, она и не привлекала, ибо никому не было никакого дела до того, что происходит вокруг.

Намочив в стакане салфетку, я как следует вытер губы.

– Еще воды, – бросил я, отодвигая от себя грязный стакан.

Бармен, молодой человек, явно лишенный каких-либо амбиций, все так же апатично, но вежливо принял заказ и отошел в сторону.

Совсем рядом со мной раздался тихий смех… Через два табурета справа от меня сидел не старый еще мужчина – по-моему, он уже был в баре, когда я вошел… Никакого запаха от него я не почувствовал. Совершенно никакого. И это показалось мне странным.

Я обернулся в ту сторону и посмотрел на него в упор.

– Собираешься снова сбежать? – спросил он.

Моя жертва! На табурете возле стойки бара сидел Роджер!

Он был, что называется, в целости и сохранности: ничего не сломано, никаких следов насилия, руки и голова тоже на месте. Но ведь на самом деле его там не было. Это только казалось, что он как ни в чем не бывало сидит возле стойки бара и улыбается, явно наслаждаясь моим ужасом.

– В чем дело, Лестат? – спросил он. Этот голос я слышал в течение шести месяцев, пока следил за его обладателем, и уже успел полюбить. – Неужели за все прошедшие столетия к тебе не возвращались призраки твоих жертв?

Я промолчал. Его нет. Его просто нет. Он материален, но эта материя в корне отличается от реальной. «Иная материя», как назвал ее Дэвид. Я оцепенел. Нет, пожалуй, это слишком мягкое и неточное определение. Я буквально окаменел от ярости и неверия в вероятность происходящего.

Он пересел на ближайший ко мне табурет. С каждой секундой его облик становился все более отчетливым и обретал все новые детали. Теперь я мог уловить даже нечто похожее на исходящий от него живой звук, однако передо мной было отнюдь не человеческое существо, и дыхания его я не слышал.

– Еще несколько минут – и я буду в достаточной силе, чтобы попросить сигарету или даже бокал вина, – сказал он.

Он сунул руку в карман пальто – не того, в котором он пришел в квартиру в ночь убийства, своего любимого, сшитого на заказ в Париже, – и вытащил сверкающую маленькую золотую зажигалку. Вспыхнувший огонек был ярко-голубым.

Он смотрел прямо на меня. Красавец Роджер! Темные вьющиеся волосы тщательно расчесаны, глаза блестят. А голос… Такой же чудесный, как и при жизни. В его манере говорить – быстрой и четкой – не было ни британской утонченности, ни медлительной растянутости, свойственной выходцам с американского Юга, хотя родился он в Новом Орлеане; ее можно было назвать интернациональной, чему в немалой степени способствовали его бесконечные странствия по всему миру.

– Я спрашиваю вполне серьезно, – опять заговорил он. – Неужели за все прошедшие годы ни одна твоя жертва не вернулась к тебе в облике призрака?

– Нет, – ответил я.

– Ты меня удивляешь. Значит, тебе нестерпима даже мысль о том, что кто-то хоть на короткое время может нагнать на тебя страха?

– Нет.

Теперь он выглядел как вполне обычный человек из плоти и крови. Интересно, подумалось мне, видит ли его еще кто-то, кроме меня? Вполне возможно, что да. Ибо внешне он ничем не отличался от окружающих. Я отчетливо различал пуговицы на белых манжетах рубашки и проблески полускрытого мягкими завитками волос белоснежного воротничка на затылке. Я видел его невероятно длинные ресницы.

Бармен поставил передо мной стакан с чистой водой, но при этом даже не покосился в сторону Роджера. Что ж, это еще ни о чем не говорило. Парень был слишком высокомерен и неучтив, чтобы его поведение могло доказывать что-то, кроме того, что это Нью-Йорк.

– Как тебе удается проделывать все это? – спросил я.

– Точно так же, как и любому другому призраку, – ответил Роджер. – Я покойник. Я мертв уже более полутора часов. Но мне необходимо поговорить с тобой. Не знаю, сколько времени я смогу пробыть здесь, прежде чем начну… Черт его знает, что именно я начну… Но не в этом дело. Ты должен меня выслушать.

– С чего это вдруг?

– Имей совесть, – прошептал он, и я почувствовал, что мои слова действительно больно его задели. – Ведь ты убил меня!

– А у тебя она есть? – в свою очередь спросил я. – Как быть с теми людьми, которых убил ты? С матерью Доры, например? Она приходила когда-нибудь после своей смерти, чтобы потребовать от тебя ответа?

– О-о-о! Я знал! Я был уверен! – воскликнул он, явно потрясенный. – Тебе известно о Доре! Боже всемогущий! Отправь мою душу навеки в ад, но не позволяй ему причинить хоть малейший вред Доре!

– Прекрати нести чушь, – прервал я его. – Я не сделаю Доре ничего плохого. Меня всегда интересовал только ты. Это за тобой я гонялся по всему миру. И если бы не мое необъяснимое уважение к Доре, я убил бы тебя давным-давно.

Перед нами вновь возник бармен. При его появлении мой собеседник восторженно улыбнулся и взглянул на парня в упор.

– Что ж, мой мальчик, дай-ка подумать. Ведь, если не ошибаюсь, это моя последняя выпивка. Пусть будет… бурбон – ведь я как-никак вырос на Юге. Что у вас есть? Нет-нет, не годится. Знаешь, сынок, сделай-ка мне «Сазерн Камфорт».

Он тихо, заговорщицки рассмеялся.

Бармен отошел в сторону, а Роджер вновь повернулся ко мне, но теперь в его глазах сверкал гнев.

– Кем бы ты ни был – вампиром, демоном, дьяволом или черт знает кем там еще, ты обязан меня выслушать! И ты не посмеешь обидеть мою дочь!

– Да у меня и в мыслях не было ничего подобного! Я не причиню ей вреда. Так что спокойно продолжай свой путь в ад – там тебе будет лучше. Спокойной ночи.

– Ах ты, самодовольный сукин сын! Как ты думаешь, сколько мне было лет?

Сквозняк, гулявший по бару, чуть шевелил волосы Роджера, а на его лице выступили капельки пота.

– Это меня меньше всего интересовало, – ответил я. – Для меня ты был лишь пищей, достойной того, чтобы немного потерпеть в предвкушении удовольствия.

– Ты самоуверенный бахвал, не спорю. – В голосе Роджера звучали ядовитые нотки. – Но ты совсем не так глуп и примитивен, как пытаешься казаться.

– Ты действительно так думаешь? Что ж, давай проверь! И тогда ты, возможно, станешь называть меня не иначе как бесстыдным наглецом и пустозвоном!

Он не сразу нашелся что ответить.

Я тоже замолчал. Сам не знаю, почему именно эти слова сорвались у меня с языка, ибо они не входили в обычный мой лексикон.

Он старался осознать смысл сказанного, понять мою озабоченность и неуверенность в себе. А я тем временем гадал, на основании чего он делал свои выводы. Возможно, я, как любой смертный, иногда проявляю слабость или просто выгляжу смущенным?

Бармен принес ему заказ. Роджер неуверенно протянул руку и постарался как можно крепче ухватиться пальцами за бокал и поднять его. Наконец его усилия увенчались успехом: он поднес бокал к губам и отпил глоток. Однако его изумление, радость и одновременно страх при этом были настолько сильными, что он едва не испарился. Образ его стал вдруг расплывчатым и начал расползаться по частям.

Тем не менее я по-прежнему видел его достаточно отчетливо. Да, это был именно тот человек, которого я убил, чье тело расчленил и разбросал по всему Манхэттену. Видение было настолько явственным, что меня почти физически затошнило. Только одна мысль спасала меня, не позволяя окончательно впасть в панику: он разговаривал со мной. Однажды, еще в смертной жизни, Дэвид сказал, что не станет убивать вампира, потому что вампир может побеседовать с ним. Кажется, именно так он выразился? А этот чертов призрак говорил со мной!

– Мне нужно поговорить с тобой о Доре, – произнес он.

– Я уже сказал, что не причиню вреда ни ей, ни кому-либо еще, ей подобному, – ответил я. – Послушай, зачем ты пришел сюда? Ведь поначалу ты даже не подозревал, что я знаю о Доре. Ты собирался рассказать мне о ней?

– Совершенно верно. Приятно сознавать, что мой убийца сообразителен и способен разумно мыслить. Кроме того, моя смерть, так или иначе, ему глубоко небезразлична. Я прав? – Он отпил еще глоток «Сазерн Камфорт», аромат которого мне нравился. – Любимый напиток Дженис Джоплин. Не знал? – пояснил он, имея в виду покойную уже певицу. Я ее тоже любил. – Выслушай меня, пусть даже из любопытства, мне без разницы. Но только выслушай внимательно. Позволь мне рассказать тебе о Доре и обо мне. Я хочу, чтобы ты знал. Я хочу, чтобы ты узнал, кто я и какой я на самом деле, а не в твоем представлении. Я хочу, чтобы ты присмотрел за Дорой. И еще. Там, в квартире, осталось кое-что, и я хотел бы…

– Плат Вероники, висящий в рамке на стене?

– Нет. Это ерунда. То есть это, конечно, ценная вещь, ей уже четыреста лет. Но при наличии денег раздобыть нечто подобное совсем не трудно. Ты ведь внимательно осмотрел мою квартиру, да?

– Почему тебе так хотелось подарить этот Плат Доре? – спросил я.

Мой вопрос несколько охладил его пыл.

– Ты подслушивал наши беседы? – Он был поражен.

– Множество раз.

Роджер задумался, осмысливая новость, взвешивая и оценивая ситуацию. Он производил впечатление человека разумного, осторожного, но в данный момент совершенно искреннего.

– Ты сказал, что я должен присмотреть за Дорой, – продолжал я. – Я правильно тебя понял? Присмотреть за ней? Что ж, это меняет дело. Но какого черта ты собираешься рассказывать мне о своей жизни? Ты обращаешься не по адресу. Я тебе не судья, тем более после смерти. Мне нет совершенно никакого дела до того, как и почему ты стал тем, кем стал. А что касается оставшихся в квартире ценностей… Чего ради призраку заботиться о такого рода вещах?

Задавать подобный вопрос было, конечно, не совсем честно с моей стороны. И мы оба это понимали. Вполне естественно, что его не могла не беспокоить судьба накопленных сокровищ. И тем не менее он восстал из мертвых именно ради Доры, и только из-за нее.

Его волосы еще больше почернели, текстура ткани, из которой было сшито пальто, проявилась отчетливее. Теперь я мог различить даже переплетение шелковых и шерстяных нитей. Я видел его тщательно ухоженные, отполированные ногти с профессионально сделанным маникюром. Точно такие же, какие я совсем недавно зарыл в куче мусора вместе с руками. Насколько мне помнилось, несколько минут назад я не мог видеть такие детали.

– Господи Иисусе! – прошептал я.

– Ты испуган больше, чем я, – со смехом заметил Роджер.

– Где ты сейчас, скажи!

– Ты о чем? – удивился он. – Вот он я, сижу рядом с тобой. Мы в Виллидж, в каком-то баре. Что ты имеешь в виду, спрашивая, где я? Если мое тело, то тебе не хуже, чем мне, известно, где именно ты зарыл его части.

– Поэтому ты и преследуешь меня после смерти?

– Ничего подобного. Мне абсолютно наплевать на тело. Как только я потерял свою телесную оболочку, я вообще перестал думать о ней. Да что объяснять, тебе и без того все известно.

– Нет-нет. Я совсем не это имел в виду. Я спрашивал, в каком измерении ты находишься… как все это… что ты увидел, когда перешел… когда умер…

Он покачал головой и печально улыбнулся.

– И на этот вопрос ответ тебе известен. Я не знаю. Тем не менее мне кажется, что меня ждет… нечто… То есть я в этом уверен. Кто-то или что-то ждет меня. Возможно, это будет всего лишь окончательная смерть, разрушение… Полная тьма. И все же оно производит впечатление чего-то… обладающего личностью, если можно так выразиться… и оно не намерено ждать вечно. Хотя я и сам не понимаю, на чем основано мое убеждение.

Равно как не понимаю, почему мне было позволено вернуться к тебе. Быть может, все дело в острейшем желании, то есть в моем невероятном желании, в той силе воли, которой, кстати, я всегда обладал в избытке. Или кто-то просто подарил мне эти несколько мгновений. Не знаю. Но я последовал за тобой. Я наблюдал за тобой от самой квартиры, видел, как ты туда вернулся, как вновь покинул ее с моим телом, потом я пришел сюда. Мне крайне необходимо поговорить с тобой, и я не сдамся без борьбы. Я не уйду, пока не скажу тебе все, что должен сказать.

– Кто-то или что-то ждет тебя, – шепотом повторил я, чувствуя благоговейный страх. Как все просто и ясно. – А после? Если ты не растворишься в воздухе, как только мы закончим разговор, куда ты направишься?

Роджер покачал головой и пристальным взглядом обвел заставленные бутылками полки бара.

– Вот зануда, – сварливо проворчал он. – Заткнись.

Я вздрогнул как ужаленный. Заткнись! Он осмелился приказать мне заткнуться!

– Я не могу присматривать за твоей дочерью, – заявил я.

– Что ты хочешь этим сказать? – Он яростно сверкнул глазами в мою сторону и вновь приложился к бокалу. Потом жестом приказал бармену подать еще один.

– Ты что, решил напиться? – спросил я.

– Полагаю, мне это не грозит. Ты *обязан* позаботиться о ней! Неужели ты не понимаешь, что вся эта история неизбежно станет достоянием гласности? У меня масса врагов. Они убьют ее – убьют только потому, что она моя дочь. Ты даже не представляешь, как я всегда был осторожен и как безоглядно и необдуманно иногда действует она – только потому, что верит в это свое Святое провидение. Кроме того, есть еще и власти, правительственные ищейки… Что станет с моими сокровищами, с моими книгами?

Потрясенный, я смотрел на него, совершенно забыв, что передо мной призрак. Да, в тот момент он и не похож был на выходца с того света. Ничуть. Разве что только я не чувствовал его запаха, и те звуки, которые он издавал, не имели ничего общего с жизнедеятельностью человеческих легких или сердца.

– Ладно, – продолжал он, – буду говорить прямо. Я боюсь за нее. Ей предстоит пройти нелегкое испытание. Поднимется шумиха, ее будут расспрашивать, оскорблять… Пройдет немало времени, прежде чем все уляжется и мои враги и недоброжелатели забудут о ней. До сегодняшнего дня большинство из них понятия не имели о ее существовании. Хотя… теперь я не столь в этом уверен. Вполне возможно, что кто-то знал. Ведь ты же знал…

– Совсем не обязательно И я не в счет. Я не человек.

– Ты обязан защитить ее.

– Я не могу и не стану это делать.

– Лестат, ты выслушаешь меня наконец?

– Я не желаю тебя слушать. Я хочу, чтобы ты ушел.

– Знаю.

– Послушай, я не должен был тебя убивать. Мне действительно жаль. Это было ошибкой. Мне следовало найти кого-то… – У меня тряслись руки. Наверное, когда-нибудь вся эта история покажется мне весьма забавной, но сейчас… Сейчас я мог только молить Бога, чтобы все поскорее закончилось.

– Ты знаешь, где я родился, не так ли? – спросил он. – Квартал на Сент-Чарльз-авеню, неподалеку от Джексон-сквер.

Я кивнул:

– Пансион. Нет смысла рассказывать мне историю своей жизни. Зачем? К тому же она уже завершилась. Как и у любого другого человека, у тебя была возможность написать обо всем. А теперь… Что, по-твоему, я должен буду делать с твоим рассказом?

– Я расскажу только о самом важном, о том, что действительно имеет значение. Посмотри на меня! Пожалуйста, посмотри мне в глаза и постарайся понять меня и полюбить! Постарайся полюбить Дору! Ради меня! Умоляю!

Мне не было нужды смотреть на него и видеть выражение его лица, чтобы в полной мере постичь его отчаяние. Это был крик о помощи. Разве есть в мире мука страшнее, чем видеть, как страдает твое дитя? Или кто-то другой, кто тебе неизмеримо близок и дорог. Дора… Малышка Дора, бродящая по пустому монастырю… Дора, вдохновенно поющая и простирающая к нам руки с экрана телевизора…

У меня перехватило дыхание. Наверное, я даже вскрикнул. Не знаю. Быть может, просто вздрогнул или сделал что-то еще… На несколько мгновений я словно утратил способность мыслить. Но в этом не было ничего сверхъестественного – только душевная боль и сознание, что он рядом, видимый и осязаемый, что он добился своего и заставил меня понять. Ему уда-

лось достаточно долго продержаться в столь эфемерной форме, чтобы добиться-таки от меня обещания.

– И все же ты меня любишь, – прошептал он. Он был явно сбит с толку и заинтригован, но в то же время неожиданно обрел некое внутреннее спокойствие.

– Страстность, – так же шепотом ответил я. – Все дело в твоей страстности и безграничной любви.

– Да, понимаю. Я действительно польщен. Ведь я умер не под колесами грузовика посреди улицы и не был хладнокровно застрелен гангстером. Меня убил ты! Ты! А ты один из лучших!

– Один из лучших? Кого ты имеешь в виду?

– Я не знаю, как именно ты себя называешь. Но ты не живое существо. И в то же время ты человечен. Ты выпил мою кровь, и теперь она течет по твоим жилам. Ты пользуешься и наслаждаешься ею. И ты не один такой. – Он отвернулся и теперь смотрел куда-то в сторону. – Вампиры… – тихо произнес он. – Когда я еще жил в Новом Орлеане, мне приходилось видеть призраков.

– В Новом Орлеане все видят призраков.

Он невольно рассмеялся – коротким тихим смешком.

– Знаю. Но я их действительно видел, и не раз. Я сталкивался с ними и в других местах. Однако я никогда не верил ни в Бога, ни в дьявола, ни в ангелов. Я не верил в существование вампиров, оборотней и любых других подобных созданий, способных, как говорили, в корне изменить судьбу человека или хоть как-то повлиять на ход событий, на тот, казалось бы, хаотический ритм, который управляет жизнью вселенной.

– А теперь ты веришь в Бога?

– Нет. Насколько я понимаю, еще какое-то время мне удастся сохранять ту форму, в которой я пребываю сейчас, а потом я начну, что называется, таять – так, во всяком случае, происходило со всеми призраками, которых мне доводилось видеть. И в конце концов исчезну, умру окончательно и бесповоротно. Погасну, как свет. Вот что меня ждет. Забвение. Не кто-то и не что-то. Присутствие чего-то личностного не более чем иллюзия моего разума – точнее, того, что от него осталось, – который упорно продолжает цепляться за этот мир. Что ты обо всем этом думаешь?

– Прав ты или нет, но оба твои предположения приводят меня в ужас.

Я не собирался ни рассказывать ему о своем преследователе, ни спрашивать его о статуе. Теперь я точно знал, что Роджер не имеет никакого отношения к тому, что скульптура вдруг показалась мне живой. Он в тот момент был уже мертв и переходил в иную реальность.

– Приводят тебя в ужас? – с нотками почтения в голосе переспросил он. – Но ведь это происходит не с тобой. Напротив, ты подвергаешь такому испытанию других. А теперь позволь мне объяснить кое-что относительно Доры.

– Она красива, и я… Я постараюсь о ней позаботиться.

– Нет, ей нужно от тебя нечто большее. Она нуждается в чуде.

– В чуде?

– Послушай, кем бы ты ни был, но ты продолжаешь жить, хотя ты и не человек. И ты способен совершить чудо – разве я не прав? Для существа с твоими способностями это совсем не трудно, так соверши же его ради Доры.

– Ты имеешь в виду какое-нибудь фальшивое религиозное чудо?

– А что же еще? Она не представляет, как можно спасти мир без чуда. И в твоих силах сделать это для нее.

– И ты остался в этом мире, преследовал меня и пришел сюда только ради того, чтобы обратиться со столь ничтожной просьбой? – Я был поражен. – Тебе самому не будет прощения, и душу твою уже не спасти. Ты покойник. Но даже в этих обстоятельствах ты остаешься вымо-

гателем и преступником. Ты только послушай, о чем ты просишь! Чтобы я совершил фальшивое чудо для Доры! Неужели ты думаешь, что ей бы это понравилось?

Он застыл от изумления и был настолько поражен, что даже не почувствовал себя оскорбленным.

Поставив бокал на стойку, он молча обвел взглядом бар и задумался. Он казался исполненным достоинства и выглядел лет на десять моложе, чем в тот момент, когда я его убил. Любой, кто призраком возвращается в этот мир, стремится принять для этого привлекательный облик. Вполне естественное желание. Глядя на него, я чувствовал, как внутри меня крепнет и разрастается неизбежное в таких случаях и роковое для меня восхищение доставшейся мне жертвой: «Мсье, в моих жилах течет ваша кровь!»

Роджер повернулся ко мне.

– Ты прав, – свистящим шепотом заговорил он. – Совершенно прав. Я не должен вступать с тобой в сговор ради совершения для нее фальшивого чуда. Она ни за что бы не одобрила столь чудовищную сделку.

– Ну вот, теперь ты говоришь как благодарный мертвец[1].

Он издал короткий презрительный смешок, но тут же вновь помрачнел и тихо произнес:

– Лестат, ты должен позаботиться о ней… хотя бы какое-то время…

Я не ответил, и он продолжал настаивать:

– Недолго, пока все не уляжется и репортеры не оставят ее в покое, пока не кончится весь этот кошмар и она не придет в себя и не вернется к своей вере, пока она не станет прежней Дорой. У нее своя жизнь. Лестат, она не должна страдать из-за меня, тем более из-за меня! Это несправедливо!

– Несправедливо?

– Назови меня по имени, – попросил он. – Взгляни на меня.

Я поднял на него взгляд. Это было поистине тяжелое зрелище. Он был раздавлен горем. Никогда еще мне не доводилось видеть, чтобы человеческое существо страдало так сильно. Никогда…

– Меня зовут Роджер, – сказал он и в этот момент показался мне еще моложе, как будто в мыслях своих он совершал некое путешествие назад во времени, едва ли не в пору невинности, – если, конечно, мертвецам, не желающим порывать связь с этим миром, вообще позволительно вспоминать о своей невинности.

– Твое имя мне известно, – ответил я. – Мне все о тебе известно, Роджер. Призрак Роджер. И ты ни разу не позволил Старому Капитану прикоснуться к тебе. Ты позволял ему только обожать тебя, учить, возить повсюду и покупать тебе красивые вещи, но при этом ты ни разу не лег с ним в постель – хотя бы ради приличия.

Все это я сказал ему без злобы и без какого-либо тайного умысла – просто вспомнил те образы, которые мелькали перед моими глазами, пока я пил его кровь. В моем голосе слышалось скорее удивление тем, что все мы так порочны и лживы.

Он молчал.

Я чувствовал себя подавленным. Горечь, печаль, ужас содеянного с ним и мерзость злодеяний, совершенных мною по отношению ко многим другим живым существам, буквально оглушили меня. Я вздрогнул от отвращения.

А в чем состояла миссия Доры? Каким образом можно нас спасти? Неужели с помощью все тех же песнопений и гимнов, свидетельствующих об обожании и поклонении?

---

[1] Аллюзия на распространенную в мировом фольклоре легенду о благодарном мертвеце – непогребенном покойнике, посещающем человека, который его похоронил, и в знак благодарности совершающем для своего благодетеля какое-нибудь чудо.

Он наблюдал за мной. Молодой, исполненный энергии – великолепная имитация жизни. Роджер…

– Хорошо, согласен, – наконец заговорил он. – Ты прав, я не спал со Старым Капитаном. Но он никогда и не требовал этого от меня – он был слишком стар, и речь шла совсем о другом. Ты понятия не имеешь о том, как все обстояло на самом деле. Возможно, тебе известно, что я чувствовал себя виноватым. Но ты не знаешь, как часто впоследствии я сожалел о том, что этого не случилось. Что я не познал этого со Старым Капитаном. И совсем не это сбило меня с правильного пути. Нет, совсем не это. И не мошенничество или грабеж, как ты полагаешь. Мне нравились вещи, которые он мне показывал. А он любил меня. Вполне вероятно, что именно благодаря мне он прожил на этом свете лишние два-три года. Винкен де Вайльд… Винкен де Вайльд нравился нам обоим. И все должно было обернуться совсем иначе. Ты же знаешь, что, когда Старый Капитан умирал, я был рядом с ним. Я не покидал его комнаты. Я умею быть преданным, когда люди, которых я люблю, нуждаются в моей помощи.

– Да уж. Ты был рядом и со своей женой – Терри.

Упомянуть об этом было жестоко с моей стороны, но сцена убийства так ясно предстала вдруг перед глазами, что слова вырвались как-то сами собой, я даже не успел подумать.

– Ладно, забудем об этом, – сказал я. – Извини. И объясни, Бога ради, кто такой Винкен де Вайльд. – На душе у меня было скверно. – Бог мой! Ты явился в облике призрака и теперь преследуешь меня. А я трус! Трус! И почему ты упомянул это странное имя? Нет, не хочу знать. Не рассказывай мне больше ничего. С меня достаточно. Я ухожу. А ты, если угодно, можешь торчать в этом баре хоть до Судного дня. Найди себе нового собеседника – какого-нибудь добродетельного смертного…

– Послушай, – прервал он мои стенания. – Ты любишь меня. Ты выбрал меня. И все, чего хочу теперь я, это посвятить тебя в некоторые подробности.

– Я позабочусь о Доре. Так или иначе, но позабочусь. Я подумаю, как ей лучше помочь. Я сделаю что-нибудь. И я позабочусь о твоих сокровищах – вывезу их из квартиры в безопасное место и сохраню их для Доры, до того момента, когда она почувствует, что может их принять.

– Прекрасно!

– Договорились! А теперь отпусти меня.

– А я тебя и не держу, – ответил он.

О да, я любил его! Мне нравилось на него смотреть. И я хотел, чтобы он поведал мне все, до последней детали. Я коснулся его руки. В ней не было жизни. Это была уже не человеческая плоть. Однако какая-то энергия в ней все же присутствовала – нечто обжигающее и возбуждающее.

Он лишь улыбнулся.

Потом протянул руку, обхватил пальцами мое запястье и придвинулся ближе. Я почувствовал, как прядь его волос скользнула по моему лбу, слегка пощекотав кожу. Огромные черные глаза смотрели мне прямо в лицо.

– Выслушай меня, – в который уже раз повторил он, обдав меня лишенным запаха дыханием.

– Хорошо…

И тогда он заговорил – негромко и торопливо начал рассказывать мне свою историю.

Глава 4

– Дело в том, что Старый Капитан был контрабандистом и коллекционером. Я провел рядом с ним много лет. Мать отправила меня в Андовер, однако вскоре привезла обратно домой – она не могла жить без меня. Я учился у иезуитов. У меня практически не было друзей, я почти никуда не ходил, и потому, наверное, общество Старого Капитана было для меня наилучшей компанией. Что же касается Винкена де Вайльда, то все началось тоже со Старого Капитана и его торговли антиквариатом, в основном мелкими вещами.

Но я хочу сказать тебе сразу, что Винкен де Вайльд не имеет никакого значения, он связан лишь с одним моим сном, хотя и очень порочным, извращенным. То есть я хочу сказать, что Винкен де Вайльд был страстной любовью всей моей жизни – за исключением Доры, разумеется, – но если после нашего разговора тебе он будет неинтересен, то, значит, и никому больше. Доре, во всяком случае, нет до него дела.

– И все же кто он такой, этот Винкен де Вайльд? И что с ним связано?

– Искусство, конечно. Красота. Лет в семнадцать у меня в голове была полная каша. Я вдруг решил, что должен основать новую религию, своего рода культ, – знаешь, свободная любовь, помощь бедным, протест против любого насилия, ну и все такое, – нечто вроде прелюбодействующих аманитов. Шел 1964 год… Это была эпоха «детей цветов», марихуаны. Боб Дилан без конца пел о морали, нравственности и милосердии. И мне захотелось воссоздать Братство общей жизни, но только в духе современных сексуальных представлений. Ты знаешь, что это было за Братство.

– Да, они проповедовали очень популярную в средние века мистическую идею о том, что каждый может познать Бога.

– Именно. Надо же, ты и об этом знаешь!

– И что для этого не обязательно быть монахом или священником.

– Все правильно. Монахи чересчур нетерпимы и завистливы, а мои юношеские мечты вдохновлял Винкен. Я знал, что он последователь немецкого мистицизма, Мейстера Экхарта и его единомышленников, хотя и работал в монастырской мастерской, где переписывал от руки на пергаменте старинные молитвенники и другие священные книги. Однако книги Винкена резко отличались от всех других. И мне казалось, что если я соберу их все, то непременно добьюсь успеха.

– Но почему именно Винкен? Чем он отличался от остальных?

– Попробую объяснить. Видишь ли, наш пансион представлял собой смесь нищеты и элегантности. Моя мать, что называется, не опускалась до грязной работы – для этого существовали три служанки и старик-негр, мастер на все руки. Что касается жильцов, все они были людьми состоятельными, с приличными доходами и собственными лимузинами, стоявшими в гаражах по всему Садовому кварталу, а потому могли себе позволить и трехразовое питание, и красные ковровые дорожки, и все остальное. Дом этот, я уверен, тебе известен – он был построен по проекту Генри Хауарда в поздневикторианском стиле. Мать унаследовала его от своей матери.

– Да, я знаю его. Видел, как ты останавливался перед этим домом. А кто владеет им сейчас?

– Понятия не имею. Я потерял его. Я вообще многое потерял. Но речь не об этом. Так вот, представь себе: дремотный полдень; мне всего пятнадцать, и я чувствую себя ужасно одиноким; Старый Капитан приглашает меня к себе, и в дальней комнате – а он занимал две гостиные в передней части дома и жил в особом, волшебном мире удивительных и редких вещей – я вижу на столе…

– Могу себе представить…

– …Я вижу на столе эти книги! Маленькие средневековые молитвенники! Конечно, мне и раньше приходилось видеть молитвословы, я хорошо знал, как они выглядят. Но только не средневековые рукописи… В детстве я прислуживал при алтаре в церкви, ежедневно вместе с матерью ходил к мессе, умел читать церковную латынь – в той мере, в какой это было необходимо. Иными словами, я, конечно, понял, что книги эти религиозные, что они очень редкие, ценные и что Старый Капитан, несомненно, собирается их продать.

«Ты можешь посмотреть их, Роджер, – сказал он мне, – и даже взять в руки, но только если будешь обращаться с ними бережно и аккуратно». До этого уже в течение двух лет он приглашал меня к себе, мы вместе слушали пластинки с записями классической музыки, часто он брал меня с собой на прогулки. Но как раз в тот период, о котором я сейчас рассказываю, он начал проявлять ко мне сексуальный интерес, хотя я об этом даже не подозревал и пока это к делу не относится.

Когда я вошел, он разговаривал с кем-то по телефону. Речь шла о судне, стоявшем в порту.

Через несколько минут мы были уже на пути в гавань. Вообще, мы часто поднимались на борт разных кораблей. Я ничего не знал о цели этих посещений. Видимо, все та же контрабанда. Помню только, как Старый Капитан сидел за большим круглым столом и беседовал с командой – как правило, это были голландцы, – а в это время кто-нибудь из офицеров показывал мне машинное отделение, штурманскую каюту, радиорубку… Все они говорили с сильным акцентом. Я никогда не уставал от таких экскурсий, потому что очень любил корабли. В те годы причалы Нового Орлеана не пустовали и там всегда было полно пеньки, конопли, крыс.

– Да, я помню.

– А помнишь длинные канаты, протянутые между бортами судов и берегом? На таких канатах всегда закрепляли специальные металлические пластины, служившие своего рода щитами, потому что крысы не могли через них перелезть.

– Конечно.

– Так вот. В тот вечер мы вернулись домой очень поздно, но, вместо того чтобы, по обыкновению, отправиться спать, я стал упрашивать Старого Капитана, чтобы он позволил мне снова пойти к нему и еще раз взглянуть на книги, прежде чем он их продаст. Матери в холле не было, и я надеялся, что она уже легла в постель. Позволь, однако, немного подробнее рассказать о моей матери и нашем пансионе. Как я уже упоминал, он выглядел достаточно элегантно. Интерьер и обстановка были выдержаны в стиле эпохи Ренессанса, хотя, конечно, говорить в данном случае приходится лишь о подражании, ибо такими вещами фабричного производства были буквально забиты многие особняки начиная с восьмидесятых годов девятнадцатого века.

– Я помню.

– В доме была великолепная лестница, винтовая. Она начиналась возле витражного окна – истинный шедевр, которым Генри Хауард мог справедливо гордиться. А у самого ее основания, внутри лестничного колодца, – ты только представь себе! – стоял огромный туалетный столик, принадлежавший моей матери. И она сидела в холле и расчесывала волосы. Стоит мне только вспомнить об этом, и у меня тут же начинает болеть голова! Точнее, начинала болеть, пока я был жив. Поистине трагическая картина! Несмотря на то что я видел ее с детства практически каждый день, я так и не смог избавиться от ощущения ужасного несоответствия: пожилая женщина с темными волосами, сидящая за мраморным, украшенным филигранью туалетным столиком с зеркалами и канделябрами, никак не увязывалась в моем воображении с парадным, торжественным холлом.

– А жильцы с этим мирились?

– Конечно, потому что дом был забит под завязку. Старый мистер Бридли жил в помещении, некогда служившем террасой для слуг; слепая мисс Стентон обитала в бывшей «обморочной» комнатушке наверху; еще четыре комнаты переоборудовали для жильцов в задней части

дома, там, где раньше жили слуги. Я по натуре очень чувствителен к любому беспорядку. По мне, все должно быть устроено либо идеально, либо вообще никак – вроде полнейшего хаоса в той квартире, где ты меня убил.

– Понимаю.

– Но если бы мне довелось вновь поселиться в том доме… Впрочем, это не важно. Я лишь хотел объяснить, что люблю порядок и в молодости всегда о нем мечтал. Мне хотелось быть своего рода святым – точнее говоря, мирским святым. Однако вернемся к книгам.

– Продолжай.

– Я бросился к лежавшим на столе книгам. Одна из них имела даже собственный футляр. Я был покорен и очарован миниатюрными иллюстрациями. В ту ночь я изучал страницу за страницей, мечтая о том, чтобы впоследствии получить возможность возвращаться к ним снова и снова. Естественно, что латынь, на которой эти книги были написаны, я прочесть не мог.

– Слишком плотный текст и изощренное написание букв.

– Надо же, тебе и это известно!

– Полагаю, мы делаем немало удивительных открытий относительно друг друга. Однако продолжай.

– Всю неделю я самым тщательным образом рассматривал книги. Ради них даже пропускал школу. Там было ужасно скучно. Тем более что я сильно опережал в учебе своих одноклассников и жаждал совершить нечто совершенно необыкновенное – какое-нибудь дерзкое преступление, например.

– Ну да. Либо святой, либо преступник.

– Согласен. На первый взгляд мои желания в корне противоречат одно другому. И тем не менее все обстояло именно так.

– Не сомневаюсь.

– Старый Капитан поведал мне многое об этих книгах. Ту, что лежала в отдельном футляре, обычно носили на поясе – она представляла собой нечто вроде дорожного молитвенника. А самая большая и толстая из них, и тоже богато украшенная, называлась Часослов. Была там, конечно же, и Библия на латинском языке. Надо заметить, он рассказывал обо всем этом крайне небрежным тоном, и было очевидно, что его самого книги мало интересовали.

А вот меня, сам не знаю почему, они буквально притягивали к себе. Они казались мне уникальным средоточием того, что я любил и ценил в любой вещи: красоты и незаурядности. Ничего подобного мне еще не приходилось видеть.

– О да, твоя страсть мне хорошо понятна, – с улыбкой произнес я.

– Красные чернила, обилие золота, миниатюрные фигурки… Это было прекрасно! Я взял лупу и принялся досконально изучать каждую иллюстрацию. Потом отправился в старую библиотеку на Ли-серкл – помнишь ее? – и внимательно прочел все, что смог там найти по интересующей меня теме: о средневековой книжной культуре, о том, как трудились над созданием книг монахи-бенедиктинцы. Тебе известно, что Дора владеет монастырем? Это, конечно, не Сент-Галльское аббатство, но нечто очень на него похожее – монастырь строился в девятнадцатом столетии.

– Я видел его и видел там Дору. Она очень смелая девушка и совсем не боится темноты и одиночества.

– Она до идиотизма верит в Святое провидение, но способна добиться многого, если кто-то не разрушит ее мечты и планы. Мне нужно выпить еще. Я знаю, что рассказываю слишком торопливо и сумбурно, но по-другому сейчас не могу.

Я жестом приказал бармену принести еще порцию.

– Продолжай. Что было дальше? И кто же он все-таки, этот Винкен де Вайльд?

– Он был автором двух из тех ценнейших книг, которые оказались в распоряжении Старого Капитана. Но я узнал об этом не сразу, а лишь через несколько месяцев. Все это время я

продолжал упорно изучать иллюстрации и постепенно пришел к выводу, что миниатюры в двух рукописях созданы рукой одного художника. А вскоре в обеих книгах мне удалось обнаружить и его имя, причем в нескольких местах, хотя Старый Капитан уверял, что никаких подписей там нет. Однако, как я уже говорил, все ценности были для него не более чем предметами торговли. Обычно он заключал такого рода сделки в магазине на Роял-стрит.

Я кивнул, подтверждая, что помню.

– Итак, я жил в страхе, ожидая того момента, когда он понесет туда и столь дорогие моему сердцу сокровища. Ведь эти две книги не были похожи ни на какие другие. Прежде всего рисунки отличались обилием тщательно выписанных деталей. Например, на одной странице можно было увидеть цветущую ветвь винограда, а в каждом цветке, словно в персональном убежище, скрывалась маленькая человеческая фигурка. Кроме того, это были сборники псалмов. Причем на первый взгляд они представляли собой каноническую Псалтирь, соответствовавшую тексту общепринятой латинской Библии.

– А на самом деле?

– А на самом деле – нет. Таких псалмов ты не найдешь ни в какой Библии. Мне не составило труда выяснить это, просто сопоставив их с текстами других латинских изданий того же периода, которые я принес из библиотеки. Это были авторские сочинения. Мало того, миниатюрные иллюстрации изображали не только животных, деревья или плоды, но и людей, причем обнаженных. Но и это еще не все. Обнаженные люди занимались всякими вещами…

– Босх!

– Именно! Совсем как «Сад земных наслаждений» Босха! Те же райские сладострастие и чувственность. Конечно, тогда я еще не побывал в «Прадо» и не видел самого творения мастера. Но, можно сказать, передо мной был именно Босх в миниатюре. Крошечные люди резвились и шалили под изобильно увешанными плодами деревьями. Старый Капитан уверял меня, что не видит в иллюстрациях ничего необыкновенного, что все это широко распространенные образы, характерные для изображения райского сада. Я не мог с ним согласиться. Две книги, буквально заполненные такими миниатюрами? Нет, я не считал это чем-то обычным. Я просто обязан был расшифровать обе книги, найти ключ к их пониманию, перевести и прояснить смысл каждого содержащегося в них слова.

И тогда Старый Капитан сделал мне поистине королевский подарок – он совершил нечто такое, что могло превратить меня в религиозного лидера и способно сделать таковым Дору, хотя у нее в жизни совсем иная цель.

– Он отдал тебе книги.

– Да! Он отдал их мне. Скажу больше. Тем летом мы объездили с ним всю страну, чтобы я имел возможность увидеть другие средневековые рукописи. Мы побывали в Хантингтонской библиотеке в Пасадене, в библиотеке Ньюбери в Чикаго, мы посетили Нью-Йорк. Он хотел даже отвезти меня в Англию, но мать не разрешила.

Я получил представление практически о всех типах средневековых книг. И пришел к выводу, что произведения Винкена не похожи ни на какие другие. Винкен был язычником и богохульником. Имя его слышали сотрудники многих библиотек, однако ни одна из них не могла похвастать его книгами.

Капитан позволил мне и дальше держать у себя книги. Тогда я вплотную занялся их переводом. Я перешел в выпускной класс. Однако в первую же неделю учебного года Старый Капитан умер в своей комнате. Я оставался с ним до самого дня похорон, отказывался оставить его одного и стал посещать уроки только после церемонии погребения. Несколько дней он находился в коме и к исходу третьих суток внешне изменился настолько, что узнать его было практически невозможно. Глаза Старого Капитана перестали закрываться, хотя сам он этого, конечно, не сознавал, из полуоткрытого рта, принявшего форму овала, со свистом вырывалось

неровное дыхание. Поверь, я не покидал его ни на минуту и видел все это собственными глазами.

– Я верю.

– Да, все было именно так. Теперь представь. Мне исполнилось семнадцать, мать все время болела, денег на продолжение учебы в колледже – а все ученики выпускного класса только об этом и твердили – не было. Я мечтал о Калифорнии, о Хейт-Эшбери, о «детях цветов» и песнях Джоан Баэз. Я мог думать только о том, что отправлюсь наконец в Сан-Франциско и, вооруженный идеями Винкена де Вайльда, стану там основателем совершенно нового культа.

К тому времени у меня уже был практически готов перевод обеих книг. В этом мне очень помог старый священник-иезуит, один из тех блестяще одаренных ученых монахов, которые в силу обстоятельств вынуждены были половину дня отдавать воспитанию мальчишек. Он смог посвятить мне не слишком много времени, но делал это с удовольствием, и не только потому, что перевод доставлял ему истинное наслаждение. Ведь нам приходилось подолгу оставаться с ним наедине за запертыми дверями, а это, в свою очередь, дарило ему надежду на определенную интимную близость.

– Стало быть, еще до смерти Старого Капитана ты уже снова торговал собой?

– Нет. Все было иначе. Не совсем так, как ты думаешь. Но все же… Видишь ли, этот священник был ирландцем и принадлежал к числу истинных целибатов, твердо выполнявших обет безбрачия. Таких теперь, наверное, уже нет, и современному человеку понять их очень трудно. Он, что называется, никогда и ни с кем… Сомневаюсь даже, что он хоть раз мастурбировал. Ему было вполне достаточно хоть недолго находиться рядом с каким-нибудь мальчиком, а все его эмоции выражались лишь в кратковременном учащении дыхания или еще в чем-либо в том же духе. В наши дни религия не привлекает к себе таких здоровых и в то же время воздержанных мужчин, чьи желания вытеснены в область подсознания. Люди такого сорта не способны причинить зло ребенку, сексуальное домогательство для них столь же немыслимо, как непристойные вопли с алтаря во время мессы.

– Значит, он не сознавал, что испытывает к тебе влечение, что ты ему как-то по-особенному нравишься?

– Совершенно верно. Он просто часами сидел рядом со мной и переводил сочинения Винкена. Я не свихнулся во многом благодаря ему. Оказавшись поблизости от нашего дома, отец Кевин – таково было его имя – всегда заглядывал, чтобы проведать Старого Капитана. Будь Старый Капитан католиком, отец Кевин непременно соборовал бы его. Постарайся понять. Ты не можешь судить людей, подобных Старому Капитану и отцу Кевину.

– О да! Как и мальчиков вроде тебя.

– А тут еще в последний год моей учебы мать завела себе отвратительного нового дружка – этакую сладенькую пародию на джентльмена, одного из тех людей с черной душой и сомнительным прошлым, кто при этом умеет хорошо и много говорить и смотрит на тебя сверху вниз. Его моложавое лицо было испещрено морщинками, отчего выглядело словно потрескавшимся. Он курил «Дю Морье». Мне кажется, что он даже собирался жениться на моей матери – ради дома, разумеется. Ты слушаешь меня?

– Да, конечно. Значит, после смерти Старого Капитана у тебя не осталось никого, кроме священника?

– Никого. Теперь ты понимаешь, в каком положении я оказался. Мы с отцом Кевином продолжали усердно трудиться. Ему нравилось приезжать ко мне в пансион. Обычно он оставлял машину на Филип-стрит, и мы поднимались в мою комнату – на втором этаже в передней части дома. Окнами она выходила на улицу, и оттуда были великолепно видны шутовские парады во время празднования Марди-Гра. Я вырос в полной уверенности, что нет ничего удивительного и необычного в том, что ежегодно весь город на целых две недели буквально схо-

дит с ума. В общем, так или иначе, однажды ночью во время очередного парада мы, по обыкновению, не спали, однако совершенно не обращали внимания на происходящее за окном – абсолютно нормальная реакция местных жителей, которые за свою жизнь успели достаточно насмотреться на кавалькады из папье-маше, дешевые безделушки, факелы…

– Да, эти кошмарные багровые факелы… – перебил я его.

– Согласен…

Он вдруг умолк и задумчиво уставился в бокал с новой порцией выпивки, только что принесенный барменом.

– В чем дело? – встревожился я, потому что почувствовал, что и он чем-то взволнован. – Роджер, посмотри на меня. Не исчезай, продолжай свой рассказ. Что вам удалось выяснить из перевода? Эти книги действительно были кощунственными и богохульными? Роджер! Пожалуйста, не молчи!

Он вздрогнул и вышел из оцепенения. Потом поднял бокал и одним глотком выпил почти половину.

– Гадость, но мне нравится. «Сазерн Камфорт» стал первым спиртным напитком, который я попробовал, еще когда был совсем мальчишкой. – Он поднял на меня взгляд. – Я не исчезаю. Просто мне вдруг вспомнился дом, я словно вновь увидел его, ощутил его запах… Ты знаешь, как пахнет в комнатах стариков, в комнатах, где они живут много лет и где умирают? Но мне этот запах казался чудесным. Так о чем я говорил? Ах да. Итак, ночью, во время парада в честь Протея, отец Кевин сделал великое открытие: обе книги Винкен де Вайльд посвятил своей покровительнице Бланш де Вайльд, которая, как явствовало из текста и рисунков, содержавшихся на первых пяти страницах, была женой его брата Дэмиена. Это открытие заставляло совершенно по-новому интерпретировать и сами псалмы. Они были полны сладострастных обещаний, предложений и приглашений и даже, возможно, содержали в себе некий секретный шифр, с помощью которого назначались тайные свидания. В книгах неоднократно появлялось изображение одного и того же маленького садика – как ты понимаешь, я говорю о миниатюрах.

– Я знаю множество подобных примеров.

– И каждый раз в этом садике присутствовали фигурки обнаженного мужчины и пяти женщин, танцующих вокруг фонтана в каком-то средневековом замке, – во всяком случае, при пятикратном увеличении это выглядело именно так. И тут отца Кевина вдруг охватил неудержимый смех – он долго хохотал, не в силах остановиться.

«Стоит ли удивляться, что мы не видим здесь ни одного святого или сцены из Библии, – наконец смог заговорить он. – Этот твой Винкен де Вайльд был отъявленным еретиком. Не иначе как колдуном или одержимым. И он, конечно же, был влюблен в эту женщину, в Бланш». Надо сказать, что сделанное открытие скорее развеселило, чем ужаснуло отца Кевина.

«Знаешь, Роджер, – сказал он, – если ты сумеешь связаться с устроителями аукционов, то, вполне возможно, эти книги позволят тебе получить образование в университете Лойолы или Тулейна. Только не вздумай продавать их здесь. Поезжай в Нью-Йорк, обратись в „Баттерфилд и Баттерфилд“ или „Сотби“».

За последние два года он переписал для меня что-то около тридцати пяти стихов в переводе на английский – надо признать, что его прозаические переводы с латыни были сделаны абсолютно точно, – и теперь мы перечитывали их и тщательно изучали. Постепенно нам становилось понятным содержание книг в целом.

Еще нам удалось выяснить, что на самом деле книг было много, а в нашем распоряжении оказались первая и третья из них. Уже в третьей книге псалмы выражали безграничное восхищение Бланш; автор воспевал чистоту и доброту своей возлюбленной и постоянно сравнивал ее с Девой Марией. Кроме того, там содержались ответы на какие-то письма – судя по всему, женщина описывала в них свои страдания и те муки, которые ей приходилось терпеть во власти мужа.

Стихи великолепны, и вообще, книги сделаны столь искусно и талантливо, что тебе непременно следует их увидеть и прочесть. Ты должен отправиться в ту квартиру, где убил меня, и взять их.

– Значит, ты не продал книги, чтобы раздобыть средства на обучение в университете?

– Конечно нет. Ты только представь! Винкен устраивал оргии вместе с Бланш и ее четырьмя подругами! Я был заворожен и восхищен. Винкен стал для меня своего рода святым – я преклонялся перед силой его таланта, а сексуальность превратилась для меня в религию, потому что таковой она была для Винкена: каждым своим словом, в каждой строке он воспевал плотскую любовь. Пойми, я никогда искренне не придерживался какого-либо ортодоксального вероисповедания. И считал, что католическая церковь стоит на грани умирания, а протестантизм и вовсе смешон. Только много лет спустя я понял, что протестантская вера основана на мистике и проповедует то самое единение с Богом, которое столь яростно отстаивал Мейстер Экхарт и о котором писал Винкен.

– О, какое великодушие по отношению к протестантам! А что, Винкен действительно писал о единении с Богом?

– Да, через союз и единение с женщинами. Он высказывался весьма завуалированно и в то же время совершенно недвусмысленно. «Их объятия позволяли мне познать суть Троицы с гораздо большей ясностью, чем любые учения и объяснения…» – примерно в таком духе. Справедливости ради должен сказать, что в то время протестантская религия ассоциировалась у меня лишь с материализмом, бесплодием и туристами-баптистами, которые напивались в стельку на Бурбон-стрит только потому, что не осмеливались делать это в своих маленьких городишках.

– И когда же ты изменил свое отношение к протестантам? – спросил я.

– Я сейчас говорю не о частностях, а о своем отношении к религии в целом. В то время я не видел перспектив ни для одного из существовавших на Западе вероисповеданий. Дора сейчас придерживается практически того же мнения. Но о Доре мы поговорим позже.

– Вам удалось полностью закончить перевод?

– Да, как раз перед тем, как отца Кевина перевели на службу в другое место. Больше я его не видел. Позже он писал мне, но к тому времени я уже сбежал из дома.

Ни слова не сказав матери, я сел в автобус «Трейлвейз», потому что у них билет стоил на несколько центов дешевле, чем у «Грейхаунд», и перебрался в Сан-Франциско. Денег практически не было – в карманах у меня не нашлось бы на тот момент и семидесяти пяти долларов. Все, что когда-то давал мне Старый Капитан, я промотал, а после его смерти прикатили какие-то родственники из Джексона, штат Миссисипи, и вывезли вещи из его комнат.

Они забрали абсолютно все. Хотя, я думаю, Старый Капитан оставил кое-что и мне. Но мне было наплевать. Самым большим его подарком были книги. И еще – наши с ним ленчи в «Монтелеоне». Мы заказывали суп из стручков бамии, и Старый Капитан позволял мне крошить в него соленые крекеры и размешивать, пока суп не превращался в кашу. Это было мое любимое блюдо.

Да-а… Так о чем я говорил? Я купил билет до Калифорнии, а оставшиеся деньги распределил таким образом, чтобы на каждой остановке съедать хотя бы по куску пирога с кофе. И в какой-то момент я вдруг осознал, что точка возврата осталась позади. По-моему, это произошло в одном из городков Техаса. То есть я хочу сказать, что, даже если бы мне в тот момент захотелось вернуться, денег на обратную дорогу уже не хватило бы. Если мне не изменяет память, столь забавные мысли пришли мне в голову ночью, а городок, кажется, назывался Эль-Пасо. Так или иначе, путь назад был отрезан.

Меня ждал Сан-Франциско! Я рвался в Хейт-Эшбери, чтобы исполнить свою мечту: создать там новый культ, основанный на идеях Винкена и прославляющий любовь и согласие, культ, главным лозунгом которого должно было стать провозглашение божественности сексу-

ального единения. И в доказательство я жаждал показать своим последователям книги Винкена. Да, я мечтал именно об этом, хотя, должен тебе признаться, сам в Бога совершенно не верил.

Не прошло, однако, и трех месяцев, когда я понял, что отнюдь не одинок и не оригинален в своих убеждениях. Город был буквально заполонен хиппи, которые исповедовали свободную любовь и нищенство. И хотя я регулярно рассказывал о Винкене огромному числу своих разгульных, полуопустившихся, вольно живущих друзей, хотя я показывал им книги и читал псалмы – самые безобидные, конечно…

– Могу себе представить…

– …Моим главным и основным занятием стала работа в качестве менеджера тройки рок-музыкантов, которые мечтали о славе и считали ниже своего достоинства держать в голове сроки и условия контрактов или собирать выручку от концертов. Один из них – мы звали его Блю – на самом деле пел хорошо. У него был красивый тенор с широким диапазоном. Группа имела успех. Во всяком случае, нам так казалось.

Письмо отца Кевина я все же получил. Мы обитали тогда в мансарде «Спреклз Мэншн» в районе Буэна-Виста-парка. Ты знаешь этот дом?

– Да, знаю. Сейчас там отель.

– Правильно. Но отелем он стал много позже, после ремонта и реставрации. А в те времена это был частный дом с танцевальным залом на верхнем этаже; там же имелись маленькая кухонька и ванная. Их-то я и арендовал. Такого понятия, как «ночлег и завтрак», тогда еще не существовало. Музыканты просто жили там, пользовались кухней и одной на всех грязной ванной, репетировали. А днем, когда они спали вповалку на полу, я предавался собственным мечтам – о Винкене, о том, где и как найти как можно больше сведений об этом человеке и о его стихах о любви. Меня посещали самые разнообразные фантазии, и все они были связаны с Винкеном.

Я часто вспоминаю ту мансарду. Окна с широкими подоконниками и висевшими клочьями драными бархатными шторами выходили сразу на три стороны, за исключением востока, насколько я помню. Но я не силен в определении сторон света. Сан-Франциско оттуда был виден как на ладони. Мы обожали часами напролет сидеть в глубоких оконных нишах и разговаривать. Моим друзьям нравились рассказы о Винкене. Мы даже собирались написать несколько песен на его стихи. К сожалению, так ничего и не написали.

– Он превратился для тебя в навязчивую идею.

– Да, я был словно одержимый. Лестат, прошу, не важно, веришь ты мне или нет, но, после того как мы закончим нашу беседу, ты должен вернуться в квартиру и забрать книги. Они все там. Все, созданные Винкеном, до единой. Я поставил себе целью жизни собрать их. Ради них я связался с наркотиками. И даже вернулся в Хейт.

Я говорил об отце Кевине. Он прислал мне письмо, в котором сообщил, что просмотрел несколько старых рукописей и нашел в них упоминания о Винкене де Вайльде – о том, что тот был еретиком, главой какой-то секты, и что его казнили. Его учение пользовалось популярностью только у женщин и подверглось официальному осуждению со стороны церкви. Отец Кевин писал, что вся эта история «давно ушла в прошлое» и мне следует продать книги. Он обещал сообщить мне подробности, однако больше я от него ничего не получил. А два месяца спустя под влиянием момента я совершил несколько убийств, и обстоятельства резко изменились.

– Это было связано с торговлей наркотиками?

– В определенной мере. Только прокололся не я. Виноват был Блю. Он занимался этим бизнесом гораздо активнее меня. Таскал травку чемоданами, в то время как я обходился маленькими пакетиками. Доход был невелик, но мне хватало. А Блю торговал по-крупному и

однажды потерял два килограмма. Никто не знал, что произошло и куда они подевались. Мы предполагали, что Блю просто забыл их в такси, но точно так ничего и не выяснили.

В те годы в наркобизнесе крутилось великое множество глупых, наивных юнцов. Они «входили в дело», даже не подозревая о грозящей им опасности, о том, что те, кто снабжает их «товаром», люди серьезные и жестокие, которым ничего не стоит пристрелить на месте любого. Блю надеялся выкрутиться и придумал какое-то дурацкое объяснение – вроде того, что его якобы ограбили приятели. Или еще что-то в том же духе – не знаю. По его словам, партнеры поверили ему и даже снабдили оружием.

Они предупредили Блю, что, возможно, настанет момент, когда ему придется воспользоваться пистолетом. Однако он, конечно, и не подумает это делать, заявил нам Блю и спрятал пистолет в кухонный шкаф. Мне кажется, когда человек глуп да еще и под завязку накачан наркотиками, он искренне уверен, что все вокруг думают и чувствуют точно так же, как он. Блю, во всяком случае, уверял, что те ребята, мол, ничем не отличаются от нас, что волноваться не о чем, все будет в порядке и все это одни только разговоры, а мы все скоро станем не менее знаменитыми, чем Дженис Джоплин и ее группа «Биг Бразер».

Но однажды днем они все же пришли по его душу. Кроме нас, в доме никого не было.

Блю встретил посетителей – их было двое – у дверей танцевального зала и принялся заговаривать им зубы. Меня гости не видели – я сидел в кухне и поначалу даже не прислушивался к тому, что происходило в зале. Не помню точно, но, кажется, я изучал книги Винкена. Однако постепенно до меня стал доходить смысл их беседы.

Эти двое пришли, чтобы убить Блю. Ровными, монотонными голосами они упорно твердили, что все в порядке, что он должен поехать с ними, причем следует поторопиться, потому что они спешат. Нет, он не может приехать позже, объясняли они, им велено привезти его. Ну и так далее, в том же духе. А потом один из них очень тихо, но зловеще сказал: «Все, хватит, парень, поехали». И Блю вдруг замолчал – я больше не слышал всей этой хипповой болтовни типа: «Все образуется, брат… Я не сделал ничего плохого, брат…» В зале стояла гробовая тишина. Я вдруг понял, что вот сейчас они увезут Блю, пристрелят его где-нибудь, а тело утопят, и почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом. Такое уже не раз случалось с парнями вроде него – я читал об этом в газетах. Шансов у него не было.

Времени на размышления не оставалось, да я и не в состоянии был здраво рассуждать, даже забыл о пистолете, лежавшем в кухонном шкафу. Охваченный порывом, я выскочил в зал и увидел там двух мужчин: оба были значительно старше нас и внешне не имели ничего общего с хиппи. Они не походили даже на «ангелов ада» – обыкновенные киллеры. При виде меня у них буквально челюсти отвисли, ибо они явно не ожидали встретить какое-либо препятствие на своем пути и даже не предполагали, что кто-то осмелится помешать им увести моего приятеля.

Думаю, ты уже узнал обо мне достаточно, чтобы понять, что я был столь же тщеславен, как и ты, а кроме того, меня никогда не покидала убежденность в собственной необыкновенности и вера в судьбу. Танцующей походкой я стремительно, едва ли не рассыпая на ходу искры, бросился к непрошеным гостям, а в голове билась только одна мысль: «Если Блю может умереть, значит та же участь, вполне возможно, ждет и меня, а мне совсем не светит получить тому доказательство».

– Представляю…

– Я начал что-то говорить, очень быстро, напористо, претенциозно, словно накачавшийся галлюциногенами философствующий наркоман, понес какую-то заумную чушь, при этом подходя к ним все ближе и ближе; я говорил что-то о насилии, о хулиганстве, о том, что они помешали заниматься мне и «остальным», которые сейчас там, в кухне.

И тут один из них сунул руку под пальто и вытащил пистолет. Наверное, он решил, что оружие послужит достаточно убедительным и решающим аргументом. Эта сцена и сейчас ясно

стоит перед моими глазами. Он просто достал пистолет и направил его прямо на меня. Но, прежде чем он успел прицелиться, я обеими руками выхватил у него пушку, изо всех сил пнул его ногой, а потом пристрелил обоих бандитов.

Роджер на минуту умолк.

Я тоже молчал, едва сдерживая улыбку. Только кивнул головой. Мне понравился его рассказ. Конечно – как я раньше не понял? – именно так все и должно было начаться. Он отнюдь не был прирожденным убийцей. В противном случае он ни за что бы не вызвал во мне интерес.

– Вот так, в одночасье, я превратился в убийцу, – наконец произнес он со вздохом. – В одночасье… И представь, с первого же раза добился потрясающего успеха в этом деле.

Он отпил глоток из бокала и устремил взгляд в пространство, вспоминая события далекого прошлого. Чувствовалось, что он возбужден и в эти минуты напряжение прочно удерживает его в призрачном теле.

– И что ты сделал потом? – спросил я.

– Я уже говорил, что убийство круто изменило всю мою жизнь. Поначалу я хотел немедленно позвонить в полицию, позвать священника, готов был отправиться в ад, сообщить матери, что жизнь моя кончена, разыскать отца Кевина, спустить в туалет всю травку, позвать соседей… Все! Конец!

Но вместо этого я запер дверь, сел рядом с Блю и, наверное, целый час все говорил и говорил ему что-то, не умолкая ни на минуту. Блю за все это время не проронил ни слова. А я все продолжал болтать и одновременно молился в душе, чтобы никто не ждал киллеров на улице в машине. Хотя… Раздайся в тот момент стук в дверь, я был готов… Руки мои по-прежнему крепко сжимали пистолет, в котором еще оставалось достаточно пуль, и я сидел прямо против входа в зал…

Трупы киллеров валялись на полу. Блю смотрел перед собой невидящим взглядом, как будто принял хорошую дозу ЛСД и полностью отключился. В конце концов запас моего красноречия иссяк, и в заключение я сказал, что пора выбираться к чертовой матери из этого проклятого места. Почему, спрашивается, из-за каких-то двух подонков я должен провести остаток жизни в тюрьме? В общем, мне понадобилось примерно около часа логических рассуждений, чтобы прийти к такому выводу.

– Совершенно правильному.

– Мы быстренько свалили из обжитой «берлоги». Собрали вещи, позвонили двум другим музыкантам, чтобы они забрали свои шмотки на автобусной станции. Стремительное бегство мы объяснили полицейской облавой, связанной с наркотиками. Правду они так никогда и не узнали. Да и остальные тоже. На наших ночных вечеринках и джем-сейшнз перебывало столько народа, что «пальчиков» осталось великое множество, а наши даже не были зарегистрированы в полиции. Так что вычислить нас оказалось бы практически невозможно. К тому же пистолет я унес с собой.

Но я сделал и кое-что еще. Несмотря на решительный протест Блю, я обшарил карманы мертвецов и забрал у них все деньги. Без баксов мы бы далеко не уехали.

Мы расстались. С тех пор я больше никогда не встречался ни с Блю, ни с другими двумя музыкантами – Олли и Тедом. По-моему, они уехали искать счастья в Лос-Анджелес. Блю, вполне возможно, в конце концов погиб от злоупотребления наркотиками. Но достоверных сведений о них я не получал. Я же пошел своим путем. Повторяю, с момента убийства я стал совсем другим человеком. Прежний Роджер исчез навсегда.

– Но что именно заставило тебя так измениться? – спросил я. – Я имею в виду, что конкретно послужило причиной столь разительной перемены? Убийство доставило тебе удовольствие?

– Нет. Ни в коем случае. Никакой радости, а уж тем более удовольствия я не испытывал. Успех, удача – да. Но только не удовольствие. Убийство людей – это работа, причем очень грязная и отвратительная. Это для *тебя* убийство человека – развлечение. Но ведь сам ты не человек. Для меня важно было другое. Сам факт того, что такое возможно: просто подойти к проклятому сукину сыну и сделать то, чего он никак не ожидает: отнять у него пистолет, а потом хладнокровно, без колебаний пристрелить обоих. Мне кажется, последним чувством, которое они испытали в своей жизни, было безграничное удивление.

– Просто они думали, что имеют дело с неопытными юнцами.

– Они считали нас мечтателями и фантазерами, далекими от реальной жизни. А я и был таковым на самом деле. Всю дорогу до Нью-Йорка я размышлял о своей судьбе, о том, что меня ждет великое будущее, а неожиданно открывшаяся способность – способность хладнокровно убить двоих людей – стала своего рода крещением: явлением и воплощением таящейся во мне силы.

– Ты хочешь сказать, что она была явлена тебе Богом?

– Нет. Судьбой и роком. Я уже говорил, что не испытывал никаких чувств к Богу. А тебе известно, что католическое учение гласит, что, если ты не ощущаешь в себе любви и беззаветной преданности Деве Марии, следует опасаться за твою душу. Так вот, ни любви, ни преданности Богоматери во мне не было, равно как и любому другому божеству или святому. Именно поэтому меня до такой степени удивляет религиозность Доры, причем совершенно искренняя. Но о Доре позже. К моменту приезда в Нью-Йорк я уже твердо знал, чего хочу добиться: свободы, богатства, власти и поклонения своих многочисленных приверженцев. Я не желал признавать никаких правил, не желал мириться с ограничениями. Роскошь и воля – вот что должно стать моим девизом в этом мире.

– Да, я тебя отлично понимаю.

– Таковым было отношение к жизни Винкена. Он убеждал последователей своего учения – а это в подавляющем большинстве были женщины, – что не стоит ждать перехода в иной мир, что жить и грешить надо здесь и сейчас. Насколько мне известно, таких взглядов придерживались все еретики и безбожники. Или я ошибаюсь?

– Да, многие. Во всяком случае, так утверждали их враги.

– Следующее убийство я совершил исключительно ради денег. Мне его заказали. Я был едва ли не самым амбициозным молодым человеком во всем городе и работал с новой группой, однако заключить контракт нам никак не удавалось, в то время как другие рок-звезды часто получали его после первого же выступления. Я вновь стал торговать наркотиками и в этом бизнесе добился гораздо большего успеха, хотя сам не испытывал к ним ничего, кроме отвращения, и никогда не употреблял. Наркобизнес еще только набирал обороты, травку переправляли через границу на маленьких самолетах, и все это походило на забавные ковбойские приключения.

Однажды до меня дошли слухи, что некий человек попал в черный список могущественного дельца, который готов заплатить за убийство провинившегося парня тридцать тысяч долларов. Надо заметить, что малый этот славился своей злобой и жестокостью и наводил ужас на окружающих. К тому же он знал, что его хотят убрать. Тем не менее он свободно разгуливал средь бела дня, и все боялись даже пальцем пошевелить.

В общем, каждый надеялся, что кто-то другой в конце концов отважится и выполнит эту работу. Я понятия не имел, кто, с кем и каким образом связан в этом деле. Знал только, что игра стоит свеч, – ну, ты понимаешь, о чем я. Кое-какие справки я все же навел.

Я тщательно разработал план. Было мне тогда всего девятнадцать. Я оделся как примерный учащийся колледжа: свитер с вырезом лодочкой, блейзер, фланелевые брюки… Прическа у меня была а-ля мальчик из Принстона, под мышкой несколько книг. Уточнив адрес, я направился вечером прямо к его дому на Лонг-Айленде, подождал на подъездной дорожке к гаражу

и, как только «клиент» вышел из машины, спокойно пристрелил его в нескольких метрах от дома, где в тот момент ужинали его жена и дети.

Роджер на минуту умолк, а потом очень серьезным тоном добавил:

– Чтобы совершить столь жестокий поступок и при этом не чувствовать ни малейшего раскаяния, нужно, наверное, нести в своей душе что-то от зверя…

– Однако ты не подвергал его таким мукам, какие пришлось испытать тебе самому, – мягко возразил я. – Ты отчетливо сознавал, что делаешь и зачем. За то время, что я следил за тобой, у меня все же не сложилось правильного представления о твоем характере. Ты показался мне более порочным и развращенным, чем на самом деле, и гораздо глубже погруженным в собственные мечты и фантазии. Ловким и хитрым, но при этом подверженным самообману.

– Разве то, что ты сделал со мной, можно назвать муками? – спросил он. – Я не чувствовал боли – только ярость при мысли о том, что должен умереть. Как бы то ни было, того человека на Лонг-Айленде я убил ради денег. Его жизнь или смерть для меня ровным счетом ничего не значили. Я даже не испытал облегчения. Было лишь ощущение собственной силы и сознание исполненного обязательства. А главное, мне хотелось вновь пережить нечто подобное. И вскоре мне представилась такая возможность.

– В общем, ты нашел свой путь в жизни.

– Именно так. И собственный стиль тоже. Слухами земля полнится, и вскоре обо мне заговорили: «Если задача выглядит невыполнимой, обратитесь к Роджеру». Я мог переодеться врачом, повесить на грудь табличку с именем, взять в руки папку с зажимом и в таком виде проникнуть в больницу, чтобы там прямо в постели убить очередного «клиента», не оставив ни следов, ни свидетелей. В моей практике действительно были такие случаи.

И все-таки состояние свое я нажил не на убийствах, а на торговле в первую очередь героином, а после и кокаином. Причем в кокаиновом бизнесе я словно вновь возвращался в те далекие времена романтических приключений, поскольку встречался с теми же ковбоями, которые на тех же самолетах, теми же проверенными путями переправляли кокаин через границу. Тебе, конечно, хорошо известна история, то, как все начиналось. Об этом сегодня знают все. Первые наркоторговцы пользовались грубыми и примитивными методами. Это была своего рода игра с властями в «полицейских и разбойников» – со всеми соответствующими атрибутами: убийствами, погонями, стрельбой и тому подобной ерундой. Самолетики с кокаином умудрялись удирать от преследования, хотя были перегружены настолько, что, когда приземлялись, пилот не мог выбраться из кабины. Мы быстренько перетаскивали кокаин в машины и смывались кто куда.

– Да, я слышал что-то такое.

– Теперь в этом бизнесе работают настоящие гении, которые пользуются сотовой связью и компьютерами и хорошо знают, как «отмывать» деньги. Но тогда… В то время гением наркобизнеса был я. Зачастую приходилось решать нелегкие задачи, уверяю тебя. Но мне всегда удавалось уладить любое дело, вовремя связаться с доверенными людьми, найти надежных курьеров, обеспечить безопасный канал переправки через границу. Еще до того, как наркотики получили широкое распространение и стали, так сказать, достоянием улицы, у меня была налажена широкая сеть связей с богатыми людьми в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Мои постоянные заказчики были весьма обеспеченными, и им достаточно было позвонить по телефону, чтобы товар доставили прямо на дом. Качество при этом гарантировалось. Все оставались довольны. Тем не менее я решил, что пора покончить со всем этим и уехать. Мне хватило ума и ловкости провести несколько очень выгодных сделок с недвижимостью, которые принесли кучу денег. А как ты знаешь, это были времена кошмарной инфляции. Но я сумел заработать целое состояние.

– А каким образом Терри и Дора оказались втянутыми во все это?

– Просто нелепая случайность. А быть может, судьба. Трудно сказать. Я вернулся домой, в Новый Орлеан, чтобы повидаться с матерью, встретил там Терри, она забеременела… В общем, полный идиотизм…

Мне было двадцать два. Мать умирала и попросила меня приехать. Ее дружок с морщинистым лицом к тому времени был уже на том свете, и она осталась совершенно одна. В последнее время я постоянно посылал ей деньги, и немало.

Пансиона уже не существовало, дом был предоставлен матери в полное распоряжение. У нее были две служанки и личный шофер, готовый в любой момент отвезти ее в «кадиллаке», куда она только пожелает. Матери безумно нравилась такая жизнь, и она никогда не интересовалась происхождением моих капиталов. И конечно, я не забывал о Винкене и его книгах. Мне удалось отыскать и приобрести еще две. Мой антикварный склад в Нью-Йорке постепенно пополнялся все новыми сокровищами, но, если не возражаешь, о нем мы поговорим чуть позже. И о Винкене тоже.

Мать никогда и ни о чем меня не просила. Почти все время она проводила в своей огромной спальне и уверяла меня, что беседует там с теми, кто покинул этот мир раньше ее: со своим дорогим братом Микки, любимой сестрой Алисой, со своей матерью – нашей, так сказать, родоначальницей. Ирландка по происхождению, она служила горничной в этом доме и после смерти его безумной хозяйки получила особняк в наследство. А еще мать говорила, что к ней часто приходит Крошка Ричард – брат, который умер, когда ему было всего четыре года. От столбняка. Крошка Ричард… Она утверждала, что Крошка Ричард зовет ее к себе…

Но ей хотелось, чтобы я вернулся домой. Она ждала меня в своей спальне. Я знал об этом и понимал ее желание. Прежде ей приходилось ухаживать за умирающими квартирантами, да и я заботился не только о Старом Капитане. Вот почему я поехал в Новый Орлеан.

Никто не знал, куда я направился, равно как никому не было известно ни мое настоящее имя, ни происхождение. Поэтому мне не составило труда исчезнуть из Нью-Йорка. Я вновь поселился на Сент-Чарльз-авеню и почти все время оставался возле матери – когда ее тошнило, держал возле ее подбородка чашку, вытирал слюну, подавал судно, когда агентство не имело возможности прислать сиделку. Конечно, мы могли позволить себе нанять постоянных сиделок, медсестер и любых помощниц, но матери не нравилось пользоваться услугами «этих ужасных цветных женщин», как она их называла. И я вдруг сделал совершенно неожиданное для себя открытие: уход за матерью не вызывал во мне практически никаких отрицательных эмоций. А сколько простыней мне пришлось сменить и постирать. Естественно, в доме была стиральная машина. Я вновь и вновь менял белье на постели – наверное, слишком часто, но такой уж я человек: ни в чем не знаю меры. Я просто делал то, что считал нужным. Я бессчетное число раз мыл и насухо вытирал судно, посыпал его специальной пудрой и ставил возле кровати. Воздух в комнате всегда оставался свежим. В конце концов, нет такого запаха, который остается навечно и от которого невозможно избавиться.

– Во всяком случае, не на этой земле, – пробормотал я. Но он, слава богу, не расслышал моих слов.

– Так продолжалось примерно две недели. Мать не хотела, чтобы я отправил ее в больницу. Я нанимал круглосуточных сиделок – просто для страховки, чтобы в случае необходимости они могли проверить ее пульс, давление и остальные жизненные показатели. Я играл для нее, вслух читал вместе с ней молитвы – словом, делал все, что обычно делают для людей, находящихся на смертном одре. С двух до четырех дня она принимала посетителей – в основном каких-то престарелых родственников. «А где же Роджер?» – спрашивали они, но я на это время уходил и старался с ними не встречаться.

– И у тебя не разрывалось сердце при виде ее страданий?

– Они не доводили меня до безумия. Практически весь ее организм был поражен раком, и никакие деньги уже не могли ее спасти. Мне было очень тяжело наблюдать, как мучительно она

умирает, я мечтал, чтобы все поскорее закончилось, однако в глубине моей души всегда жило некое безжалостное и жестокое чувство, которое в любой ситуации говорило мне: «Просто делай то, что необходимо». И я сутками сидел рядом с матерью, практически без сна и отдыха. До самой ее смерти.

Мать без конца разговаривала с призраками. Сам я их не видел и не слышал, но часто мысленно обращался к ним и умолял забрать ее к себе. «Крошка Ричард, – просил я, – возьми ее. Дядя Микки, если ей не суждено поправиться, приди за ней…»

Незадолго до смерти матери появилась Терри – опытная сиделка, не имевшая, однако, специального медицинского образования. Она приходила тогда, когда все дипломированные медсестры были заняты, ибо работы у них всегда хватало с избытком. Ах, Терри… Блондинка, ростом пять футов семь дюймов, дешевка и в то же время самая соблазнительная и обольстительная девчонка, какую мне когда-либо доводилось встречать. Ты понимаешь, о чем я. У нее, что называется, все было на месте и как надо. В общем, потрясающая, ослепительная дрянь.

Я улыбнулся, вспомнив покрытые розовым лаком ногти и влажные розовые губки – видения, выхваченные когда-то из его разума и промелькнувшие пред моим мысленным взором.

– У этой малышки была продумана каждая деталь, все было направлено на достижение цели: и то, как она жевала резинку, и золотой браслет на лодыжке, и особая манера сбрасывать тапочки, чтобы я мог полюбоваться накрашенными ногтями на ее ногах, и просвечивающая сквозь тонкий нейлон белого халатика ложбинка на груди… В ее глазах под тяжеловатыми веками не отражалось ни грамма интеллекта, но при этом они были безукоризненно подведены карандашом, а на ресницах лежал слой туши фирмы «Мейбеллин». А как кокетливо у меня на глазах подпиливала она ноготки! Уверяю тебя, никогда прежде не доводилось мне видеть столь совершенное воплощение порока и соблазна. Истинный шедевр!

Я рассмеялся, Роджер, не удержавшись, тоже, однако он продолжал свой рассказ:

– Поверь, она была действительно неотразима. Этакое сексуальное животное, но только без шерсти. И мы стали заниматься с ней «этим» при каждом удобном случае. Стоя в ванной комнате, например, пока мать спала. Пару раз мы уходили в одну из пустующих спален. Нам никогда не требовалось на это более двадцати минут – я засекал время. Как правило, она даже не снимала свои розовые трусики – только спускала их, и они болтались где-то возле ее лодыжек. Она пахла, как духи «Голубой вальс».

Я тихо рассмеялся, а потом задумчиво произнес:

– Ах, если бы мне дано было познать то, о чем ты говоришь. А вот ты познал… Влюбился в нее и… поддался искушению.

– Ну-у, ведь я был в двух тысячах миль от Нью-Йорка, от моих женщин и моих мальчиков – от всего. От всего, что неизбежно сопутствует богатству, влиянию и власти: от тупых телохранителей, суетливо распахивающих перед тобой двери, от глупеньких девочек, которые клянутся тебе в вечной любви на заднем сиденье лимузина только потому, что знают, что накануне вечером ты кого-то пристрелил. Иногда я чувствовал такое пресыщение сексом, что в самый разгар очередного приключения вдруг ловил себя на том, что мысли мои заняты совсем другим и я не в силах сосредоточиться и получить наслаждение, даже если рядом оказывалась самая профессиональная и искуснейшая в мире проститутка.

– Мы похожи с тобой гораздо больше, чем я мог предположить.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Роджер.

– Сейчас не время говорить об этом. Тебе нет нужды знать подробности моей жизни. Вернемся к Терри. И к истории появления на свет Доры.

– Терри забеременела от меня. Хотя я был уверен, что она принимает противозачаточные таблетки. Она же думала только о том, что я богат. И для нее не имело значения, люблю я ее или нет, равно как и любит ли меня она. Поверь, это было самое тупое и примитивное

человеческое существо из всех, кого я знал. Сомневаюсь, что столь невежественные и скучные люди, как Терри, способны привлечь тебя даже в качестве источника для утоления голода.

– И в конце концов родилась Дора?

– Да. Терри заявила, что избавится от ребенка, если я не женюсь на ней. Тогда я заключил с ней сделку: сто тысяч долларов, как только мы поженимся (естественно, я вступил с ней в брак под вымышленным именем и поступил совершенно правильно, поскольку теперь мы с Дорой официально никак не связаны), и еще тысячу «косых» в день рождения малыша. После этого я обещал дать Терри развод, поскольку все, что мне нужно было от нее, – это моя дочь.

«Наша дочь», – поправила меня тогда Терри. «Да, наша», – согласился я. Господи! Каким же надо было быть идиотом, чтобы не понять то, что буквально лежало на поверхности! Мне и в голову не пришло, что эта вульгарно накрашенная женщина в тапочках на каучуковой подошве, не вынимающая изо рта жевательную резинку, без конца полировавшая при мне свои ногти, на пальце которой тем не менее сверкало великолепное обручальное кольцо с бриллиантом, вдруг искренне воспылает любовью к новорожденной дочери. Она была глупым, тупым животным, но животным млекопитающим и не желала расставаться со своим детенышем. Мне пришлось пройти поистине сквозь все круги ада, но все, чего я добился, это разрешения на регулярные посещения и встречи с девочкой.

В течение шести лет я при первой же возможности мчался в Новый Орлеан, чтобы повидаться с Дорой, обнять ее, подержать на руках, погулять и поговорить с ней. Сомнений в том, что это мой ребенок, у меня не было, она была действительно кровь от крови и плоть от плоти моей. Только завидев меня в конце улицы, малышка со всех ног бросалась в мои объятия.

Мы садились в такси и отправлялись во Французский квартал, чтобы в который уже раз прогуляться по Кабильдо и увидеть собор, который мы оба обожали. Потом мы шли в центральный бакалейный магазин и покупали там маффалетас. Ты знаешь, что это? Огромные сэндвичи с оливками.

– Да, знаю.

– Дора рассказывала мне обо всем, что произошло с ней за то время, что мы не виделись, – как правило, не более недели. Мы танцевали прямо на улице, я пел ей песенки. А какой чудесный голосок был у нее! Сам я никогда не обладал красивым голосом, но моя мать и Терри – да. Видимо, от них унаследовала вокальные способности и Дора. К тому же она была очень умной девочкой. Нам нравилось переправляться на пароме через реку – туда и обратно – и петь, стоя у перил. В магазине Холмса я покупал ей красивую одежду. Терри не имела ничего против – я имею в виду одежду. Конечно, я не забывал и о каком-нибудь подарке для самой Терри – кружевном бюстгальтере, наборе французской косметики или духах по сто долларов за унцию. Я готов был купить что угодно, но только не «Голубой вальс»! В общем, мы с Дорой очень весело проводили время. Иногда мне казалось, что одна только мысль о том, что я вскоре увижу Дору, поможет мне выдержать любые испытания.

– Похоже, она была столь же общительной и одаренной богатым воображением, как и ты.

– Именно так. Мечтательница и фантазерка. Однако учти: ее отнюдь нельзя назвать наивной. Меня никогда не переставал удивлять тот факт, что она увлеклась богословием. Любовь к зрелищности, артистизм она, конечно, унаследовала от меня. Но откуда в ней столь безоговорочная вера в Бога, страсть к теологии?.. Не понимаю!

Теология… Это слово заставило меня задуматься.

Роджер тем временем продолжал:

– По прошествии времени мы с Терри буквально возненавидели друг друга. А когда пришла пора определять Дору в школу, между нами начались самые настоящие битвы, едва ли не кровопролитные сражения. Я хотел отдать дочь в академию Святого Сердца, нанять для нее учителей музыки и танцев, а кроме того, требовал, чтобы как минимум две недели каникул она проводила со мной в Европе. Терри решительно возражала, заявляя, что не позволит вырастить

из малышки высокомерную гордячку. Она уехала из дома на Сент-Чарльз-авеню, потому что, по ее словам, старый особняк приводил ее в ужас, и перебралась в какую-то хибару, построенную в сельском стиле на унылой улочке сырой, болотистой окраины. Таким образом, моя дочь лишилась возможности жить в прекрасном и живописном Садовом квартале и вынуждена была видеть вокруг себя лишь скучный пейзаж, лишенный каких-либо достопримечательностей.

Я был в отчаянии, а Дора между тем росла и стала уже достаточно большой, чтобы предпринимать какие-либо меры в попытке отнять ее у матери, которую она, кстати, очень любила и всегда защищала. Между матерью и дочерью существовала некая молчаливая связь, не нуждавшаяся в словесном выражении. Терри очень гордилась девочкой.

– А потом возник тот самый дружок.

– Совершенно верно. И появись я в городе днем позже, я уже не застал бы там ни жену, ни дочь. Терри налетела на меня словно фурия. К черту мои чеки, кричала она. Они с Дорой уезжают во Флориду вместе с этим нищим электриком.

Дора ничего не знала и в тот момент играла на улице, в конце квартала. А эти двое уже собрали вещички. Там я обоих и застрелил, в этом домишке в Метэри, где Терри предпочла жить и воспитывать мою дочь, вместо того чтобы спокойно оставаться в удобном особняке на Сент-Чарльз-авеню. Весь искусственный ковер на полу был залит кровью, брызги разлетелись повсюду.

– Могу себе представить.

Потом я утопил трупы в болоте. Мне давненько не приходилось заниматься такой грязной работой, однако я с легкостью справился с задачей. Машина электрика стояла в гараже, и мне не составило труда упаковать и перетащить тела в багажник, а потом вывезти их подальше от жилых домов – по-моему, я поехал по шоссе Джефферсона. Точно не помню. Откровенно говоря, я понятия не имею, где именно утопил их. Нет, кажется, это все-таки было в районе Чеф-Ментье, неподалеку от старых фортов на реке Ригул. Так или иначе, их поглотила болотная жижа.

– Знакомая картина. Меня самого когда-то утопили в болоте, – пробормотал я.

Однако Роджер не расслышал – он был слишком возбужден и взволнован воспоминаниями.

– Когда я вернулся, Дора сидела на ступеньках, подперев кулачками подбородок, и плакала. Она не могла понять, почему дома никого нет, а дверь заперта. Увидев меня, она с криком бросилась навстречу. «Папочка, я знала, что ты приедешь, знала, знала», – сквозь слезы повторяла малышка. Я не рискнул войти с ней в дом за вещами – не хотел, чтобы ребенок видел кровь. Поэтому я усадил ее в пикап электрика, и мы сразу же покинули Новый Орлеан. Машину я оставил потом в Сиэтле. Это было наше с Дорой большое путешествие через всю страну.

Мы преодолевали милю за милей, и я едва ли не с ума сходил от счастья, от сознания того, что мы вместе, что мы можем вот так ехать и разговаривать, разговаривать, разговаривать… Мне кажется, что я тогда пытался рассказать Доре обо всем, что знаю. Конечно, из опасения хоть чем-нибудь омрачить невинную душу ребенка я не касался темных сторон действительности и говорил только о хорошем: о добродетели и честности, о том, что может испортить человека, и о том, что следует уважать и ценить в этой жизни…

«Тебе нет необходимости делать что-либо, Дора, – убеждал я. – Ты можешь принять мир таким, какой он есть». Я рассказал ей даже о том, что в молодости мечтал основать и возглавить собственное религиозное учение, а теперь собираю всякие красивые вещи, в том числе и предметы церковного искусства, и в поисках того, что меня интересует, объездил всю Европу и страны Востока. Причем я дал ей понять, что именно торговля ценностями сделала меня богатым, что, как это ни покажется тебе странным, в тот момент было почти правдой.

– Но она знала, что ты убил Терри!

– Ничего подобного. Здесь ты ошибся, неверно истолковав те образы, которые мелькали в моей голове, пока ты пил из меня кровь. Она знала лишь, что я избавился от Терри, а точнее, освободил от власти Терри ее и теперь она может навсегда остаться с любимым папочкой и даже улететь с ним вместе куда угодно. А это совсем не равносильно тому, чтобы знать, что папочка убил Терри. Дора до сих пор об этом не знает. Однажды, когда ей было примерно двенадцать лет, она позвонила мне в слезах и спросила, знаю ли я, где сейчас мамочка и ее дружок, куда именно они поехали, когда отправились во Флориду. Мне пришлось прикинуться этаким дурачком и обмануть ее, сказав, что раньше я просто боялся говорить ей о смерти матери. Слава богу, это был телефонный разговор, а врать по телефону я умею очень хорошо. За что его и люблю. Этот все равно что выступать по радио.

Но вернемся к шестилетней Доре. Папочка привез ее в Нью-Йорк и снял шикарный номер в отеле «Плаза». С тех пор Дора имела все, что папочка был в состоянии ей купить.

– И все-таки даже тогда она плакала, вспоминая Терри?

– Да. И должен сказать, что она, наверное, была единственным живым существом, которое когда-либо оплакивало Терри. Еще перед свадьбой мамаша Терри заявила мне, что ее дочь потаскуха. Они люто ненавидели друг друга. Отец Терри был полицейским. Кстати, вполне приличный малый. Однако дочь он тоже не жаловал. Ее нельзя было назвать приятной в общении. С такими людьми лучше вообще не сталкиваться даже на улице, а уж тем более завязывать с ними более близкое знакомство.

Короче, родственники пребывали в полной уверенности, что Терри просто сбежала с тем парнем во Флориду, оставив Дору на моем попечении. Старики – я имею в виду родителей – думали так до самой своей смерти. А остальные, кто жив и сейчас, не сомневаются в этом до сих пор. Мне трудно объяснить причину, но ни один из них толком не знает, кто я и чем занимаюсь. Конечно, в последнее время им, вероятно, попадались на глаза кое-какие публикации в газетах и журналах. Точно не знаю. А впрочем, какое это теперь имеет значение? Да, Дора плакала и скучала по матери, но после тех лживых объяснений, которые она получила от меня в двенадцать лет, девочка не задала больше ни одного вопроса.

Пойми, любовь Терри к дочери была своего рода животной, чисто инстинктивной, сродни той, что испытывает к своему детенышу любое млекопитающее. Она ограничивалась заботой о соблюдении гигиены, о том, чтобы ребенок был правильно накормлен и хорошо одет. Да, она водила Дору на уроки танцев, сплетничала там с другими мамашами, хвасталась успехами дочери и гордилась ею. Но при этом они практически не разговаривали и, по-моему, могли неделями не общаться друг с другом. Ты понимаешь, о чем я? Все было построено только на инстинкте. Возможно, в жизни Терри он вообще играл главенствующую роль.

– Мне кажется странным и даже забавным, что тебе суждено было связать свою жизнь с таким существом.

– Ничего забавного в этом нет. Такова ирония судьбы. Мы дали жизнь Доре. Терри подарила ей красоту и голос. Кроме того, в Доре есть еще кое-что от матери – жесткость, что ли? Нет, пожалуй, это чересчур резкое определение. На самом деле Дора сумела взять все лучшее от нас обоих.

– Должен сказать, что она унаследовала и твою красоту.

– Возможно. Однако слияние генов породило наиболее оптимальный и интересный вариант – поистине замечательную личность. Ты видел мою дочь. Она очень фотогенична. Однако за внешней вспыльчивостью, энергией и напористостью характера, полученными ею от меня, скрываются твердость, холодное спокойствие духа и умение прочно стоять на ногах, свойственные Терри. Выступая по телевизору, она с легкостью убеждает и обращает в свою веру миллионы людей. «Так в чем же состоит истинная суть учения Христа? – спрашивает она. – В том, что Христос присутствует в каждом страннике, в каждом бедном, голодном, обделенном судь-

бой человеке, который встречается на вашем пути, в каждом, кто рядом с вами!» И аудитория не сомневается в правоте ее слов!

– Я видел ее выступления. Она обладает способностью разбудить все лучшее, что таится в людях, вознести их к вершинам нравственности.

Роджер вздохнул.

– Я послал Дору в школу. В то время я зарабатывал очень большие деньги и был вынужден отправить свою дочь за сотни миль от себя. Кроме того, ей пришлось сменить в общей сложности три школы, что, согласись, нелегко. Однако она ни разу не спросила меня о причинах столь непонятных маневров, равно как и о том, почему наши с ней встречи всегда происходили в обстановке строжайшей секретности. Она верила моим выдумкам относительно необходимости быть готовым в любой момент сорваться с места и помчаться во Флоренцию ради спасения уникальной фрески, которая может погибнуть в результате варварских действий невежественных людей, или в Рим, где нужно срочно обследовать только что обнаруженный новый проход в катакомбах.

Когда Дора начала проявлять серьезное внимание к религии, я подумал, что с точки зрения интеллекта и духовности это прекрасно. И даже тешил себя мыслями о том, что моя растущая коллекция сыграла в решении дочери не последнюю роль и в какой-то степени определила сферу ее интересов. Сообщение Доры о поступлении в Гарвард и намерении заниматься там вопросами сравнительно-исторических методов изучения религиозных течений вызвало у меня улыбку. Как истинный женофоб, я высказался в том духе, что она может заниматься чем угодно, но только пусть не забывает при этом о необходимости найти себе богатого мужа и не отказывается приехать и взглянуть на недавно приобретенную мною икону или статую.

Однако страстное увлечение Доры теологией постепенно вышло далеко за пределы моего понимания. В девятнадцать лет она впервые отправилась на Святую землю и до окончания учебы посетила ее еще дважды. Потом она в течение двух лет путешествовала по всему миру и изучала теологию. И в конце концов объявила, что хочет создать собственную программу на телевидении и беседовать с людьми. Кабельные каналы предоставляли возможность проводить такие религиозные беседы, они позволяли связаться с любым министром или католическим священником.

Я спросил, насколько серьезны ее намерения. Честно говоря, я никогда не думал, что она искренне верит во все это. Но, как выяснилось, она действительно привержена тем идеалам, которые мне никогда не были понятны до конца, но которые тем не менее я каким-то образом ухитрился ей внушить.

«Послушай, папа, – сказала мне она, – помоги мне получить право часового вещания три раза в неделю на одном из каналов и выдели определенную сумму денег, которые я могу тратить по собственному усмотрению, и ты увидишь, что из этого получится». Потом она заговорила об этике, о том, как человек, живущий в современном мире, может спасти свою душу. Она мечтала о чтении с экрана небольших лекций и проповедей, перемежающихся соответствующими песнопениями и танцами. Ей хотелось обсудить проблему абортов, и она уже подготовила несколько эмоциональных выступлений по этому вопросу, в которых доказывала, что как сторонники, так и противники столь радикальной меры регулирования рождаемости по-своему правы. С одной стороны, любая жизнь священна, но с другой – каждая женщина должна обладать правом самостоятельно принимать решения, касающиеся ее собственного тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.